

Артур Конан
ДОЙЛ

*Самые знаменитые
расследования
Шерлока Холмса*

Зарубежная классика Эксмо

Артур Конан Дойл

**Самые знаменитые
расследования Шерлока Холмса**

«Эксмо»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Самые знаменитые расследования Шерлока Холмса / А. Дойл —
«Эксмо», — (Зарубежная классика Эксмо)

ISBN 978-5-699-92869-9

Английский писатель, публицист и журналист Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу в первую очередь как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса. Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92869-9

© Дойл А.
© Эксмо

Содержание

Приключение «Скандал в Богемии»	6
Приключение с установлением личности	20
Приключение пяти апельсиновых зернышек	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Артур Конан Дойл
Самые знаменитые
расследования Шерлока Холмса

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Приключение «Скандал в Богемии»

I

Для Шерлока Холмса она всегда Та женщина. Я редко слышал, чтобы он упоминал ее как-то иначе. В его глазах она затмевает и повергает в прах весь свой пол. Нет, не то чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, сходное с любовью. Все эмоции, а эта особенно, были неприемлемы для его холодного, точного и превосходно уравновешенного интеллекта. Он, как я понимаю, был идеальнейшей логично рассуждающей и наблюдающей машиной, какую только видел мир, но в роли влюбленного он поставил бы себя в фальшивое положение. В разговорах он никогда не касался нежных чувств, разве что с презрительной усмешкой и колкостями. Однако наблюдателю они служили отличным подспорьем, чтобы срывать покров с людских побуждений и поступков. Но натренированному логично допустить подобное вторжение в собственный тонкий и сложно сбалансированный темперамент значило бы создать отвлекающий фактор, могущий поставить под сомнение все достижения его разума. Песок в чувствительном приборе или трещинка в одном из его собственных увеличительных стекол повредили бы им не меньше, чем какая-нибудь сильная эмоция такой натуры, как его. И, тем не менее, единственная женщина для него существовала, и женщиной этой была покойная Ирен Адлер сомнительной и двойственной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом. Мой брак отдалил нас друг от друга. Собственное безоблачное счастье и сосредоточенные на домашнем очаге интересы, владеющие мужчиной, впервые ставшего главой семьи, поглощали меня целиком. Тогда как Холмс, чей богемный дух не терпел какого-либо общества, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенным в своих старинных книгах, переходя из недели в неделю от кокаина к сосредоточенности на очередном деле, от вызванной наркотиком дремотности к яростной энергичности его неумной натуры. Он по-прежнему был глубоко увлечен изучением преступлений и сосредоточивал свои колоссальные способности и необычайный дар наблюдательности на исследовании тех улики и разъяснении тех тайн, которыми официальная полиция прекращала заниматься, объявляя их безнадежными.

Время от времени до меня доходили сведения о делах, им раскрываемых: о его вызове в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, как он разобрался в загадочной трагедии братьев Аткинсонов в Тринокмали, и, наконец, о миссии, которую он столь тактично и успешно выполнил по поручению королевского дома Голландии. Помимо этих свидетельств его деятельности, которые я всего лишь делил с остальными читателями газет, я практически ничего не знал о моем недавнем друге и товарище.

Как-то вечером 20 марта 1888 года на обратном пути от пациента (я теперь возобновил практику) я оказался на Бейкер-стрит. Увидев достопамятную дверь, навсегда связанную для меня с моей женой и с мрачными эпизодами «Этюда в багровых тонах», я ощутил непреодолимое желание повидать Холмса и узнать, на что он тратит свои экстраординарные способности. Его комнаты были ярко освещены, и, взглянув на них, я дважды увидел, как темный силуэт его высокой худошавой фигуры мелькнул за опущенной шторой. Он расхаживал по комнате быстро, целеустремленно, опустив голову на грудь и заложив руки за спину. Мне, хорошо знакомому со всеми его настроениями и привычками, этот его вид и движения сказали о многом. Он опять работал. Он вырвался из наркотических грез и подбирал ключ к решению какой-то новой проблемы. Я позвонил в дверь и поднялся в квартиру, часть которой когда-то была моей.

Встретил он меня сдержанно (его обычная манера), хотя, думаю, он был рад увидеть меня. Почти без единого слова, но с дружественным взглядом, он указал мне на кресло, подвинул портсигар и кивнул на винный шкафчик и сифон в углу. Затем встал перед камином и оглядел меня своим особым интроспективным взглядом.

– Брак идет вам на пользу, – сказал он. – По-моему, Ватсон, с тех пор как я видел вас в последний раз, вы прибавили в весе семь с половиной фунтов.

– Семь, – поправил я.

– Да? Мне кажется, чуть побольше. Самую чуточку, думается мне, Ватсон. И снова практикуете, как вижу. А вы не говорили мне, что намерены снова запрячься.

– Так откуда вы знаете?

– Я это вижу. Вывожу дедуктивно. Откуда мне известно, что вы недавно сильно вымокли, а ваша служанка очень неуклюжа и небрежна?

– Мой дорогой Холмс, – сказал я, – это уж чересчур. Живи вы на несколько веков раньше, вас непременно сожгли бы. Мне, правда, в четверг пришлось совершить загородную прогулку, и домой я вернулся в жутком виде, но поскольку я сменил одежду, то не понимаю, каким образом вы узнали про это. Что до Мэри-Джейн, она неисправима, и жена как раз отказала ей от места, но, опять-таки, не вижу, как вы могли это установить.

Он усмехнулся про себя и потер ладони длинных нервных рук.

– Ничего нет проще, – сказал он. – Мои глаза говорят мне, что на подошве вашего левого башмака, там, где на нее падает отблеск пламени, тянутся шесть почти параллельных царапин. Совершенно очевидно, что появились они оттого, что кто-то с большой небрежностью отскребал там засохшую грязь. Отсюда, как видите, мой двойной вывод: вас настигла непогода, и ваша обувь оказалась во власти особо вредного для нее образчика лондонской служанки. А что до вашей практики, так когда ко мне входит джентльмен, благоухающий йодоформом, с темным пятном от ляписа на правом указательном пальце и с выпуклостью с бока цилиндра, указывающей, куда он припрятал свой стетоскоп, я был бы полным тупицей, если бы не определил, что он – активный член медицинской профессии.

Я не мог не засмеяться легкости, с которой он объяснил процесс этой дедукции.

– Когда я слышу ваши доводы, – заметил я, – разгадка всегда кажется мне столь до нелепости простой, что кажется, будто я сам мог бы сделать тот же вывод, однако всякий раз я оказываюсь в тупике, пока вы не объясните ход ваших рассуждений. А ведь глаза у меня, полагаю, не хуже ваших.

– Совершенно верно, – ответил он, закуривая сигарету и опускаясь в кресло. – Вы видите, но вы не наблюдаете. Разница очевидна. Например, вы часто видели ступеньки, по которым поднимались сюда из прихожей?

– Да, часто.

– И как часто?

– Ну, сотни раз.

– Так сколько их всего?

– Сколько всего? Не знаю.

– Вот именно! Вы не наблюдали, хотя и видели. Как раз об этом я и говорю. Ну, а я знаю, что ступенек семнадцать, так как и видел, и наблюдал. Кстати, поскольку вас интересуют эти задачки и поскольку вы столь любезно описали два-три моих пустячных расследования, вас, возможно, заинтересует вот это.

Он перебрал мне лист плотной бумаги розоватого оттенка, который лежал развернутый на столике.

– Пришло с последней почтой, – пояснил он. – Прочтите-ка вслух.

Письмо было без даты и без подписи или адреса.

«Будет визит к вам сегодня вечером без четверти восемь, – гласило оно, – джентльмена, который желает посоветоваться с вами по делу глубочайшей значительности. Ваши недавние услуги одному из королевских домов Европы показали, что вы принадлежите к тем, кому можно доверять дела, важность которых едва ли преувеличить можно. Такие отзывы о вас мы отовсюду получили. Так будьте дома в этот час и не удивляйтесь, если ваш визитер в маске будет».

– Таинственно, ничего не скажешь, – заметил я. – Что, по-вашему, оно означает?

– У меня еще нет данных. А строить теории без данных – непростительная ошибка. Незаметно для себя начинаешь подгонять факты под теорию, вместо того чтобы теория подгонялась под факты. Но само письмо. Какие выводы оно вам подсказывает?

Я тщательно рассмотрел почерк и исписанный лист.

– Писавший, предположительно, богат, – сказал я, пытаясь следовать методам моего друга. – Такая бумага стоит не дешевле полукроны за пачку. Она исключительно плотная и жесткая.

– «Исключительно» очень точное слово, – сказал Холмс. – Это вовсе не английская бумага. Поднесите лист к свету.

Я послушался и увидел большое «Е» с маленьким «g», еще «Р» и большое «G» с маленьким «t» в самой текстуре листа.

– К каким выводам вы пришли? – спросил Холмс.

– Без сомнения, имя фабриканта, а вернее, его монограмма.

– Вовсе нет. «G» с маленьким «t» подразумевают «Gesellschaft», немецкое слово, означающее «компания». Обычная аббревиатура, как наше «K^o». «Р», естественно, означает «Papier» – «бумага». Теперь «Eg». Заглянем в наш Континентальный справочник. – Он снял с полки тяжелый коричневый том. – Эглоу... Эглониц... А, вот! Эгрия. Немецкоязычное государство в Богемии по соседству с Карлсбадом. «Примечательно как место смерти Валленштейна и многочисленными стекольными и бумажными фабриками...» Ха-ха, мой мальчик, какой вывод вы сделаете из этого?

Его глаза торжествующе заблестели, и он послал к потолку триумфальное облако табачного дыма.

– Бумага была изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно так. А писавший – немец. Вы заметили необычное построение фраз? «Такие отзывы о вас мы отовсюду получали». Француз или русский так не написал бы. Это немцы столь неучтиво обходятся со своими глаголами. Поэтому остается только узнать, что требуется немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать свое лицо. А вот, если не ошибаюсь, и он, прибывший разъяснить все наши недоразумения.

Его слова сопровождал резкий цокот лошадиных копыт и скрежет колес о кромку тротуара, а затем раздался нетерпеливый звонок в дверь. Холмс присвистнул.

– Пара, судя по звуку, – сказал он. И продолжал, выглянув из окна: – Да, симпатичный маленький кабриолет и пара красавцев. Сто пятьдесят гиней каждый. Это дело сулит деньги, Ватсон, если и ничего больше.

– Думаю, мне лучше уйти, Холмс.

– Вовсе нет, доктор. Сидите, где сидите. Без моего Босуэлла я теряюсь. А это обещает быть интересным. Жаль будет, если вы не поприсутствуете.

– Но ваш клиент...

– Не имеет значения. Ему, как и мне, может понадобиться ваша помощь. Сядьте в кресло, доктор, и одарите нас вашим полным вниманием.

Медленные тяжелые шаги, доносившиеся с лестницы и из коридора, стихли у самой двери. Раздался громкий властный стук.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел мужчина ростом никак не меньше шести футов шести дюймов с телосложением Геркулеса. Одежда его говорила о богатстве настолько, что в Англии это выглядело равносильным дурному вкусу. Широкие полосы каракуля были нашиты на рукава и лацканы его двубортного сюртука, а наброшенный на плечи синий плащ щеголял подкладкой из огненно-алого шелка и был застегнут у шеи брошью, состоявшей из одного огненного берилла. Сапоги, достигавшие половины икр, были вверху отделаны пышным коричневым мехом и довершали впечатление варварского богатства, о котором свидетельствовал весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу. А верхнюю часть его лица, вплоть до скул, закрывала черная маска фокусника, которую он, очевидно, только что надел, так как его рука все еще оправляла ее, когда он входил. Нижняя открытая часть лица говорила о сильном характере; толстая оттопыренная нижняя губа и длинный прямой подбородок указывали на волю, граничащую с упрямством.

– Вы получили мое письмо? – спросил незнакомец глубоким властным басом и с очень сильным немецким акцентом. – Я предупредил вас, что приеду.

Он переводил взгляд с Холмса на меня, словно не зная, к кому обратиться.

– Прошу вас, садитесь, – сказал Холмс. – Это мой друг и коллега доктор Ватсон, который иногда любезно помогает мне в моих расследованиях. С кем я имею честь говорить?

– Можете обращаться ко мне как к графу фон Крамму, богемскому аристократу. Как я понял, этот джентльмен ваш друг, человек чести, которому я могу довериться в деле чрезвычайной важности. Если нет, то я предпочту говорить с вами наедине.

Я поднялся, чтобы уйти, но Холмс сжал мое запястье и толкнул назад в кресло.

– Либо мы вместе, либо никто, – сказал он. – В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сочтете нужным сообщить мне.

Граф пожал широкими плечами.

– Тогда я должен сначала, – сказал он, – обязать вас обоих хранить то, что вы услышите, в строжайшей тайне в течение двух лет. По истечении этого срока такая надобность отпадет. Пока же не будет преувеличением сказать, что весомость этого дела колоссальна и оно может повлиять на ход европейской истории.

– Обещаю, – сказал Холмс.

– Я тоже.

– Вы извините эту маску, – продолжал наш необычный визитер, – но августейшая особа, прибегнувшая к моим услугам, желает, чтобы его посредник остался неизвестен вам, и я сразу же могу сознаться, что титул, который я назвал, мне, собственно, не принадлежит.

– Я это знал с самого начала, – сухо сказал Холмс.

– Обстоятельства крайне щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить то, что сможет перерасти в неслыханный скандал и бросить тень на одну из правящих фамилий Европы. Короче говоря, речь идет о великом Доме Ормштейнов, потомственных королей Богемии.

– Я знал и это, – пробормотал Холмс, устраиваясь в кресле поудобнее и закрывая глаза.

Наш визитер с явным недоумением уставился на расслабленную вялую фигуру человека, которого ему, несомненно, рекомендовали как самого дотошного логика и самого энергичного сыщика в Европе. Холмс открыл глаза и нетерпеливо поглядел на своего великана-клиента.

– Если бы, ваше величество, вы соизволили изложить ваше дело, – сказал он, – мне было бы проще дать вам совет.

Наш визитер вскочил с кресла и прошелся по комнате в неопишемом волнении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – вскричал он, – я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

– Действительно, зачем? – прожурчал Холмс. – Ваше величество еще и слова не сказали, когда я уже знал, что обращаюсь к Вильгельму Готтсрейху Сигизмунду фон Ормштейну, великому герцогу Кассель-Фельштейна и наследственному монарху Богемии.

– Но вы можете понять, – сказал наш странный визитер, вновь садясь и проводя белой рукой по высокому лбу, – вы можете понять, что я не привык лично вести подобные переговоры. Однако дело настолько деликатно, что поручи я его посреднику, то оказался бы во власти этого посредника. Я приехал из Праги инкогнито, чтобы посоветоваться с вами.

– Так прошу вас, советуйтесь, – сказал Холмс и вновь закрыл глаза.

– Факты вкратце таковы. Пять лет назад во время длительного визита в Варшаву я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Имя это вам, несомненно, знакомо.

– Будьте добры, отыщите ее в моей картотеке, доктор, – пробормотал Холмс, не открывая глаз. В течение многих лет он имел привычку заносить на карточки все сведения о людях и предметах, и было бы трудно назвать тему или лицо, о которых он не сумел бы немедленно дать необходимую информацию. И теперь я нашел ее биографию втиснутой между раввином и штабным офицером, написавшим монографию о глубоководных морских рыбах.

– Дайте мне взглянуть, – сказал Холмс. – Гм! Родилась в Нью-Джерси в пятьдесят восьмом году. Контральто... гм! Ла Скала, гм! Примадонна Варшавской императорской оперы... Ага! Покинула оперные подмостки... ха! Проживает в Лондоне... Вот-вот! Ваше величество, насколько я понимаю, были в связи с этой молодой особой, написали ей несколько компрометирующих писем, а теперь желали бы получить эти письма назад.

– Именно так. Но каким...

– Тайный брак?

– Ничего подобного.

– Какие-нибудь юридические документы? Заверенные письменные обязательства?

– Ничего подобного.

– В таком случае я не понимаю вашего величества. Если эта молодая особа и использует свои письма в целях шантажа или каких-либо иных целях, как она сможет доказать их подлинность?

– Но почерк?

– Пф! Пф! Подделан.

– Моя личная бумага.

– Украдена.

– Моя личная печать.

– Имитация.

– Моя фотография.

– Куплена.

– На фотографии мы сняты вместе.

– О Господи! Вот это скверно! Ваше величество действительно допустили большую неосторожность.

– Я был безумен, сходил с ума.

– Вы скомпрометировали себя очень серьезно.

– Я был тогда лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и сейчас всего тридцать.

– Фотографию необходимо вызволить.

– Мы пытались и потерпели неудачу.

– Вашему величеству придется заплатить. Фотографию надо выкупить.

– Она не соглашается.

– Ну, так украсть.

– Пять неудачных попыток. Дважды нанятые мною взломщики обшарили ее дом. Один раз мы во время какой-то ее поездки обыскали багаж. Дважды ее подстерегли вне дома. Все безрезультатно.

– Никаких следов фотографии?

– Ни малейших.

Холмс засмеялся.

– Очень милая задачка, – сказал он.

– Но для меня крайне серьезная, – с упреком возразил король.

– Да, весьма. Но что она намерена сделать с фотографией?

– Погубить меня.

– Но как?

– Я собираюсь вступить в брак.

– Да, я слышал.

– С Клотильдой Лотман фон Сакс-Мейнинген, второй дочерью короля Скандинавии. Возможно, вам известны строгие принципы ее семьи. Сама она – воплощение чистоты. Малейший намек, бросающий тень на мое поведение, перечеркивает самую возможность этого брака.

– А Ирен Адлер?

– Угрожает послать им фотографию. И она это сделает. Я знаю, что сделает. Вы ее не знаете, но душа у нее стальная. Лицо красивейшей из женщин, а характер самого решительного из мужчин. Она ни перед чем не остановится, лишь бы я не вступил в брак с другой женщиной.

Ни перед чем.

– Вы уверены, что она ее еще не послала?

– Уверен.

– Почему?

– Потому что она сказала, что пошлет ее в день официального объявления о помолвке, а оно назначено на следующий понедельник.

– О, так у нас есть еще три дня, – сказал Холмс, зевая. – Очень удачно, так как и мне сейчас надо завершить парочку неотложных дел. Ваше величество, несомненно, пока останется в Лондоне.

– Конечно. Вы найдете меня в «Лэндхеме» под именем графа фон Крамма.

– Я отправлю вам туда записку сообщить, насколько мы продвинулись.

– Будьте так добры. Меня замучает тревога.

– Что касается денег...

– В вашем распоряжении карт-бланш.

– Без ограничений?

– Говорю же вам, я бы отдал любую провинцию моего королевства, лишь бы получить эту фотографию.

– А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый замшевый мешочек и положил его на стол.

– Тут триста фунтов золотом и семьсот банкнотами, – сказал он. Холмс нацарапал расписку на листке из блокнота и отдал ее королю.

– Адрес мадемуазель? – спросил он.

– Вилла «Бриония», Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал.

– Еще один вопрос, – сказал он. – Фотография кабинетного размера?

– Да.

– В таком случае доброй ночи, ваше величество, и, надеюсь, скоро у нас появятся для вас хорошие новости. И вам доброй ночи, Ватсон, – добавил он, когда колеса королевского

кабриолета застучали по мостовой. – Если вы будете так любезны и заглянете сюда завтра в три часа, я буду рад обсудить с вами это дельце.

II

Я был на Бейкер-стрит ровно в три часа, но Холмс еще не вернулся. Квартирная хозяйка сказала мне, что он ушел утром вскоре после восьми. Я сел у камина, намереваясь дожидаться его, сколько бы времени ни потребовалось. Расследование это меня глубоко заинтересовало, пусть ему и не были присущи зловещие и интригующие черты тех двух преступлений, о которых я уже рассказал в прошлом. Однако суть этого дела и высокое положение нашего клиента придавали ему особый интерес. К тому же, помимо особого характера расследования, за которое взялся мой друг, его мастерская оценка любой ситуации, его острые как бритва, неопровержимые логические построения превращали в истинное наслаждение возможность изучать методы его работы и наблюдать быстрые, хитрые приемы, с помощью которых он раскрывал самые запутанные тайны. И я так привык к его непрерывным успехам, что мне и в голову не приходило, что он способен потерпеть неудачу.

Было уже четыре, когда дверь отворилась и в комнату ввалился заметно пьяный конюх, нечесанный, с багровым лицом в рамке бакенбард и в ветхой одежде. Как ни привык я к поразительному умению моего друга менять внешность, мне пришлось трижды взглядеться, прежде чем я убедился, что передо мной и правда Холмс. Кивнув мне, он скрылся в спальне, откуда вышел через пять минут в твидовом костюме, воплощением респектабельности. Сунув руки в карманы, он вытянул ноги перед огнем и минуту-другую весело смеялся.

– Право же! – вскричал он, поперхнулся и опять начал смеяться, пока не вынужден был откинуться в кресле, совсем ослабев.

– Что с вами?

– Нестерпимо смешно! Уверен, вы ни за что не догадаетесь, чему я посвятил свое утро или что в завершение я сделал.

– Не могу себе представить. Полагаю, вы изучали привычки мисс Ирен Адлер, а возможно, и наблюдали за ее домом.

– Совершенно верно, но вот продолжение явилось несколько неожиданным. Впрочем, я вам расскажу. Из дома я ушел в начале девятого в роли безработного конюха. Людей, имеющих дело с лошадьми, объединяют редкостная симпатия и чувство товарищества. Станьте одним из них, и вы узнаете все, что только можно узнать. Я без труда нашел виллу «Бриония». Домик *biyou*¹ с садом позади, а двухэтажный фасад почти примыкает к улице. На дверях круглый замок. Справа большая гостиная, красиво меблированная, с длинными окнами, чуть ли не достигающими пола – с этими дурацкими английскими задвижками, которые и ребенок откроет. Сзади ничего примечательного, если не считать, что с крыши каретника легко дотянуться до окна коридора. Я обошел дом вокруг и тщательно его осмотрел и так и эдак, но больше ничего интересного не обнаружил.

Тогда я прогулялся дальше по улице и, как и ожидал, увидел в переулке, тянущемся вдоль садовой ограды, извозничий двор. Я подсобил конюхам, занятым чистой лошадей, а в благодарность получил два пенса, кружку портера пополам с элем, две закрутки табака и столько сведений, сколько мог бы пожелать, о мисс Адлер, а сверх того и о полдесятке ее соседей, которые меня несколько не интересовали, но чьи биографии мне пришлось выслушать.

– Но что об Ирен Адлер?

– О, она вскружила головы всем окрестным мужчинам. Она – самая изящная штучка в шляпке на всей планете. Так утверждают хором все работники серпентайнского извозничьего

¹ Зд.: прехорошенький (фр.).

двора. Живет она скромно, поет в концертах, уезжает каждый день в пять покататься и возвращается ровно в семь к обеду. Редко выходит из дома в другое время, если нет концерта. Посещает ее только один мужчина, но зато очень часто. Красивый, щегольски одетый, брюнет. Наносит визит минимум один раз в день, а часто и два. Некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла. Видите, как выгодно заполучить извозчика в закадычные друзья. Они десятки раз отвозили его оттуда домой и знают о нем всю его подноготную. Когда я выслушал все, что у них имелось сказать, я начал вновь прогуливаться у виллы «Бриония», обдумывая план моей кампании.

Этот Годфри Нортон, очевидно, был важным фактором в нашем деле. Он юрист – это звучало зловеще. Каковы отношения между ними и какова цель его частых визитов? Была ли она его клиенткой, хорошей знакомой или любовницей? Если первой, так скорее всего передала фотографию на хранение ему. Если последней, это менее вероятно. От ответа на этот вопрос зависит, сосредоточивать ли мне и дальше мое внимание на вилле «Бриония» или обратиться на приемную этого джентльмена в Темпле. Фактор щекотливый и расширил поле моих розысков. Боюсь, вам наскучили эти детали, но я должен ознакомить вас с моими маленькими затруднениями, чтобы ситуация стала вам понятной.

– Я слушаю вас со всем вниманием, – ответил я.

– Я все еще перебирал факты в уме, когда к вилле подъехал извозчик и из экипажа выпрыгнул джентльмен. Поразительно красивый мужчина, брюнет с орлиным носом и с усами – явно тот, о ком я слышал. Он словно бы очень торопился, крикнул кучеру подождать, чуть не оттолкнул горничную, открывшую ему дверь, с нетерпеливостью человека, чувствующего себя почти хозяином дома.

Он пробыл там полчаса, и я видел, как он то появлялся в окнах гостиной, расхаживая взад и вперед, что-то возбужденно говоря и жестикулируя. Ее я ни разу не увидел. Затем он вышел на улицу в даже еще большей спешке, чем прежде. Садясь в кеб, он вынул из кармана золотые часы и впился в них глазами. «Гоните, как сам дьявол! – закричал он. – Сначала к конторе Гросса и Хэнки на Риджент-стрит, а оттуда к церкви Святой Моники на Эджоурроуд. Полгинеи, если успеете за двадцать минут».

И они умчались, а я как раз прикидывал, не последовать ли за ними, когда в переулок въехало новенькое маленькое ландо. Плащ на кучере был застегнут лишь на пару пуговиц, галстук сбился под ухо, а концы ремней сбруи торчали из пряжек. Ландо еще не остановилось, как она, стремительно выбежав из входной двери, вскочила в него. Я видел ее менее секунды, но она – пленительная женщина с лицом, ради которого мужчина способен пойти на смерть. «К церкви Святой Моники, Джон, – воскликнула она, – и полсоверена, если вы доедете туда за двадцать минут».

Упустить такой случай, Ватсон, было невозможно. И я лишь прикинул, пуститься ли мне туда бегом или прицепиться сзади к ее ландо. Но тут на улице появился кеб. Извозчик с сомнением взглянул на такого оборванного пассажира, только я вскочил в кеб, прежде чем он успел рот открыть. «Церковь Святой Моники, – сказал я, – и полсоверена, если ты доедешь туда за двадцать минут». Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, разумеется, причина спешки была яснее ясного.

Мой извозчик гнал вовсю. По-моему, я никогда еще не ездил так быстро, но они доехали туда быстрее нас. Когда я достиг дверей церкви, кеб и ландо уже стояли там и от лошадей валил пар. Я заплатил извозчику и кинулся в церковь. Там не было никого, кроме тех, за кем я гнался, и священника в облачении, который как будто их в чем-то убеждал. Они стояли тесной кучкой у аналая. Я неторопливо побрел по боковому проходу, точно зевака, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, троица у аналая обернулась в мою сторону, и Годфри Нортон устремился мне навстречу.

«Слава Богу! – воскликнул он. – Вы годитесь. Идите же, идите!»

«Чего?» – спросил я.

«Идите, идите, идите же! Остается всего три минуты, или это будет незаконно».

Меня буквально поволокли к аналою, и я не успел опомниться, как уже бормотал ответы, нашептывавшиеся мне на ухо, и ручался за что-то, о чем понятия не имел, и, короче говоря, помогал скрепить узы, связавшие Ирен Адлер, девицу, с Годфри Нортоном, холостяком. Все завершилось в мгновение ока, и вот уже джентльмен благодарит меня с одного бока, а дама с другого, священник же сияет на меня улыбкой спереди. В жизни я не попадал в такое нелепейшее положение. При воспоминании о нем я и расхохотался только что. Оказалось, в их разрешение на брак вкралась какая-то ошибка и священник наотрез отказывался поженить их без хоть какого-то свидетеля, так что мое счастливое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках шафера. Новобрачная дала мне соверен, и я собираюсь носить его на часовой цепочке в память об этом событии.

– Да, поворот событий самый неожиданный, – сказал я. – И что же дальше?

– Ну, мои планы оказались под серьезной угрозой. Парочка ведь могла немедленно отбыть, что требовало с моей стороны принятия незамедлительнейших и энергичнейших мер. Однако у церковных дверей они расстались, он поехал назад в Темпл, а она к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как обычно, в пять», – сказала она ему на прощание. Больше я ничего не услышал. Они поехали каждый в свою сторону, а я отправился заняться кое-чем своим.

– А именно?

– Сейчас порцией холодной говядины и кружкой пива, – ответил он, дергая сонетку. – Мне было некогда подумать о еде, а вечером, полагаю, я буду занят еще больше. Кстати, доктор, мне потребуется ваша помощь.

– Буду очень рад.

– Нарушение закона вас не смущает?

– Нисколько.

– А риск ареста?

– Ради благого дела – ничуть.

– О, дело весьма благое.

– Тогда я в вашем распоряжении.

– Я не сомневался, что могу на вас положиться.

– Но что от меня требуется?

– Когда миссис Тернер принесет говядину, я вам все объясню. И, – сказал он, набрасываясь на простую еду, которую готовила наша квартирная хозяйка, – обсудить это необходимо теперь же, пока я ем. Времени у меня в обрез. Сейчас уже почти пять. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, а вернее, мадам, возвращается с прогулки в семь. Мы должны встретить ее у виллы «Бриония».

– И что тогда?

– Предоставьте это мне. Я уже подготовил то, что произойдет. Есть только одно, на чем я должен настоять. Вмешиваться вы не должны, что бы ни происходило. Вы поняли?

– Я должен оставаться в стороне?

– Не предпринимать ничего. Не исключены кое-какие маленькие неприятности. Не вмешивайтесь. В результате я окажусь в доме. Четыре-пять минут спустя окно гостиной откроется. Вы должны встать поближе к открывшемуся окну.

– Хорошо.

– Вы будете следить за мной, так как я буду вам виден.

– Хорошо.

– И когда я подниму руку – вот так, – вы бросите в комнату то, чем я вас снабжу, и сразу крикните «Пожар!». Вам все понятно?

– Вполне.

– Ничего опасного, – сказал он, вынимая из кармана сверточек сигарообразной формы. – Обычная дымовая шашка, какими пользуются паяльщики, с капсулами на обоих концах, обеспечивающими самовозгорание. Ваша задача ограничивается этим. Ваш крик о пожаре будет подхвачен порядочным числом людей. Тогда пройдите в конец улицы, и через десять минут я присоединюсь к вам. Надеюсь, я все изложил ясно?

– Я не должен ни во что вмешиваться, встать у окна, следить за вами и по сигналу бросить в него эту штуку, закричать «Пожар!» и ждать вас на углу улицы.

– Все точно.

– В таком случае можете безусловно положиться на меня.

– Прекрасно. Пожалуй, мне пора подготовиться к новой *role*², которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне и возвратился через несколько минут в образе благодушного и простоватого священника-нонконформиста. Широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, сочувственная улыбка и общее выражение благожелательного, но настойчивого любопытства, изобразить которое было под силу разве что мистеру Джони Хейру. Холмс не просто переоделся. Его лицо, манера держаться, самая его душа, казалось, менялись с каждой новой его ролью. Сцена потеряла замечательного актера точно так же, как наука лишилась пронизательнейшего логика, когда он решил сделать своей специальностью преступления.

Бейкер-стрит мы покинули в четверть седьмого, но на Серпентайн-авеню оказались за десять минут до семи. Уже наступило время сумерек, и уличные фонари как раз зажгались, пока мы прохаживались взад-вперед перед «Брионией» в ожидании возвращения ее хозяйки. Вилла была совершенно такой, какой представилась мне, когда Холмс столь исчерпывающе ее описал. Но вот улица оказалась далеко не столь тихой, как я ожидал. Напротив, для небольшой улицы в фешенебельном квартале она выглядела поразительно людной. На углу курила и смеялась компания мужчин в потрепанной одежде, точильщик крутил свое колесо, двое гвардейцев перешучивались с молоденькой няней, а несколько элегантно одетых молодых людей фланировали взад-вперед с сигарами во рту.

– Видите ли, – заметил Холмс, пока мы прогуливались вдоль виллы, – брак этот все упрощает. Фотография теперь превратилась в обоюдоострое оружие. Весьма вероятно, что ей менее всего хочется, чтобы мистер Годфри Нортона увидел ее, как и нашему клиенту, чтобы она попала на глаза его принцессе. Вопрос теперь сводится к тому, где нам искать фотографию.

– Да, где?

– Крайне маловероятно, что она носит ее с собой. Слишком велика, чтобы незаметно спрятать ее в женском платье. Она знает, что король вполне способен подослать людей, чтобы ее схватили и обыскали. Ведь две такие попытки уже предпринимались. Значит, нам следует исходить из того, что с собой она ее не носит.

– Так где же она?

– У ее банкира или у ее поверенного. Такая двойная возможность не исключена. Но я склонен их обе отвергнуть. Женщины по натуре склонны к секретности и свои секреты предпочитают держать про себя. С какой стати ей передавать фотографию кому-то еще? На себя она может положиться, но как предвидеть, какое опосредствованное или политическое влияние может быть оказано на вышеупомянутых лиц. К тому же вспомните, что она решила использовать фотографию в ближайшие дни. Значит, фотография должна находиться у нее под рукой. То есть у нее дома.

– Но в ее дом ведь дважды вламывались.

– Пф! Они не знали, где искать.

– Но как будете искать вы?

² Роль (*фр.*).

- А я и не буду.
- Так каким же образом?..
- Я заставлю ее показать мне.
- Но она откажется.

– Не сможет. Но я слышу стук колес. Ее экипаж. Выполняйте мои инструкции со всей точностью.

Он еще не договорил, как из-за поворота улицы показались боковые фонари экипажа и к дверям виллы «Бриония» подъехало щегольское ландо. Когда оно остановилось, один из кутивших на углу кинулся открыть дверцу в надежде заработать медяк-другой, но его оттолкнул другой оборванец, подскочивший к ландо с тем же намерением. Вспыхнула бешеная ссора, которую еще больше распалили два гвардейца, вступившиеся за одного оборванца, и точильщик, который не менее яростно вступился за другого. Посыпались удары, и дама, вышедшая из своего экипажа, оказалась в центре кучки побагровевших сцепившихся драчунов, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс ворвался между ними, чтобы защитить даму, но едва оказался рядом с ней, как испустил крик, упал, и его лицо залила кровь. Тут два гвардейца пустились наутек в одну сторону, оборванцы – в другую, а несколько прилично одетых людей, которые следили за потасовкой, не вмешиваясь, подошли, чтобы помочь даме и заняться пострадавшим. Ирен Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала на крыльцо, однако остановилась, глядя назад на улицу, а свет из прихожей очерчивал ее прекрасную фигуру.

– Бедный джентльмен сильно пострадал? – спросила она.

– Да он умер, – послышались голоса.

– Нет-нет, жизнь еще теплится! – вскричал кто-то. – Но он умрет, пока его будут везти в больницу.

– Такой смелый! – вздохнула какая-то женщина. – Если бы не он, они отняли бы у леди кошелек и часы. Это же шайка, и притом оголтелая. А! Он начал дышать!

– Нельзя же ему валяться на улице. Можно мы внесем его в дом, мэм?

– Ну конечно. Несите его в гостиную, там удобный диван. Вот сюда, пожалуйста!

Медленно, со всей осторожностью его внесли в «Брионию» и уложили в парадной комнате, а я по-прежнему наблюдал за происходящим с моего поста у окна. Лампы в гостиной были зажжены, но шторы не опущены, и я видел распростертого на диване Холмса. Не знаю, устыдился ли он в этот миг роли, которую играл, но знаю, что я в жизни так не стыдился себя, глядя на прелестное создание, в заговоре против которого участвовал, на то, как она хлопчет над страдальцем. И все же было бы черным предательством не сделать того, что поручил мне Холмс. Скрепя сердце я и вынул дымовую шашку из-под пальто. В конце-то концов, подумал я, мы не причиняем ей вреда, а только препятствуем ей причинить вред другим.

Холмс сел на диване, и я увидел, как он помахал рукой, будто задыхаясь. Горничная бросилась к окну и распахнула его. В то же мгновение я увидел, как Холмс поднял руку, и по этому сигналу швырнул шашку в комнату, вопя «Пожар!». По комнате за клубился густой дым и повалил из открытого окна. Я мельком увидел суетящиеся фигуры, а секунду спустя изнутри донесся голос Холмса, заверяющий, что тревога оказалась ложной. Лавируя в вопящей толпе, я добрался до угла улицы и через десять минут испытал немалую радость, ощутив на локте руку моего друга и покинув все еще взбудораженную улицу. Несколько минут Холмс шел молча и быстро, пока мы не свернули на тихую улочку, ведущую к Эджуэр-роуд.

– Вы отлично справились, доктор, – заметил он. – Лучше некуда. И все в порядке.

– Фотография у вас?

– Я знаю, где она спрятана.

– Но как вы узнали?

– Она сама мне показала, я же так вам и говорил.

– Я все еще ничего не понимаю.

– Не собираюсь делать из этого тайну, – засмеялся он. – Все проще простого. Вы, конечно, поняли, что люди на улице были наняты. Ангажированы на этот вечер.

– Об этом я догадался.

– Ну, когда поднялась буча, в ладони у меня был комок влажной красной краски. Я бросился вперед, упал, прижимая руку к лицу, и обрел жалостный вид. Старый прием.

– Это тоже было мне ясно.

– Затем они внесли меня внутрь. Она должна была это позволить. Как иначе могла она поступить? И в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Выбор был между ней и спальней, и я намеревался выяснить это точно. Меня положили на диван, я сделал вид, будто задыхаюсь, так что потребовалось открыть окно, и вы получили свой шанс.

– Но чем вам это помогло?

– В этом была вся суть. Когда женщина думает, что ее дом горит, она инстинктивно бросается к самому для нее дорогому. Необоримый импульс, и я неоднократно его использовал. Он оказался мне полезен в скандале с дарлингтонской подменой, а также в деле с Ансвортским замком. Замужняя женщина хватается своего ребенка, незамужняя – шкатулку с драгоценностями. Ну, и мне было ясно, что у нашей дамы в доме не было ничего для нее более ценного, чем предмет наших розысков, и она бросится его спасать. Опасность пожара была разыграна прекрасно. Дыма и воплей хватало, чтобы не выдержали самые железные нервы. И она реагировала идеально. Фотография спрятана за скользящей панелью сразу над правой сонеткой. Она оказалась там в мгновение ока, и я увидел, как она ее почти вытащила. Когда я крикнул, что тревога ложная, она убрала фотографию, поглядела на шашку, выбежала вон из комнаты, и больше я ее не видел. Я встал и, принеся извинения, покинул дом. Поколебался, не забрать ли фотографию теперь же, но в гостиную вошел кучер, и так как он не спускал с меня глаз, разумнее было подождать. Поспешность не ко времени способна все погубить.

– И что теперь? – спросил я.

– Наши поиски практически завершились. Я нанесу туда визит завтра утром с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас проводят в гостиную подождать хозяйку дома, но весьма вероятно, что, войдя в гостиную, она не найдет там ни нас, ни фотографии. Возможно, его величеству будет приятно забрать фотографию собственными руками.

– И когда вы думаете явиться с визитом?

– В восемь утра. Она еще не встанет, так что руки у нас будут развязаны. К тому же надо торопиться, ведь брак, конечно, полностью изменит ее жизнь и привычки. Я должен безотлагательно телеграфировать королю.

Тем временем мы добрались до Бейкер-стрит и остановились перед дверями. Холмс рылся в карманах, ища ключ, и тут кто-то, проходя мимо, сказал:

– Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс.

Прохожих на тротуаре было несколько, но пожелание скорее всего исходило от торопливо удалявшегося стройного юноши в широком пальто.

– Где я прежде слышал этот голос? – сказал Холмс, всматриваясь в плохо освещенную улицу. – Кто же, черт побери, это мог быть?

III

Я переночевал на Бейкер-стрит, и мы сидели за кофе и тостами, когда в комнату ворвался король Богемии.

– Вы ее заполучили! – вскричал он, хватая Шерлока Холмса за плечи и настойчиво заглядывая ему в лицо.

– Еще нет.

- Но у вас есть надежда?
- Да, есть.
- Ну, так едем. Я сгораю от нетерпения.
- Нам потребуется кеб.
- Не надо. Мой экипаж ждет.
- Это упрощает дело.

Мы спустились вниз и немедленно вновь отправились на виллу «Бриония».

- Ирен Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.
- Замуж? Когда?
- Вчера.
- Но за кого?
- За английского юриста по фамилии Нортон.
- Но она же не может его любить?
- Надеюсь, что она его любит.
- Почему надеетесь?

– Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если она любит мужа, значит, она не любит ваше величество и у нее нет причин препятствовать плану вашего величества.

– Верно. И все же... как жаль, что она мне не ровня! Какой королевой она была бы! – Он погрузился в угрюмое молчание, которое длилось, пока мы не въехали на Серпентайн-авеню.

Дверь виллы была открыта, и на крыльце стояла какая-то старуха. Она следила сардоническим взглядом, как мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс, я не ошибаюсь? – сказала она.

– Я мистер Холмс, – ответил мой друг, глядя на нее вопросительно и с заметным удивлением.

– Вот-вот! Моя госпожа предупредила меня, что вы, наверное, заедете. Она утром отбыла с мужем поездом пять пятнадцать с Чаринг-Кросса на континент.

– Что! – Шерлок Холмс попятился, побелев от такого удара и изумления. – Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

– И не вернется никогда.

– А документы? – хрипло спросил король. – Все потеряно!

– Еще посмотрим, – Холмс решительно прошел мимо служанки и кинулся в гостиную, мы с королем последовали за ним. Мебель была сдвинута, полки опустошены, ящики выдвинуты, словно хозяйка дома торопливо их обшаривала перед своим бегством. Холмс метнулся к сонетке, рванул небольшую панель и, сунув руку в отверстие, достал фотографию и письмо. Фотография запечатлела Ирен Адлер в вечернем платье одну. Конверт был надписан: «Шерлоку Холмсу, эсквайру, до личного востребования». Мой друг разорвал конверт, и мы втроем прочли письмо вместе. Оно было датировано прошлой полуночью и содержало следующее:

«Мой дорогой мистер Шерлок Холмс, право же, вы отлично это устроили. И полностью провели меня. До момента криков о пожаре я ничего даже не подозревала. Но затем, заметив, как я невольно себя выдала, я призадумалась. Меня предостерегли против вас много месяцев назад. Мне сказали, что если король прибегнет к услугам агента, этим агентом, безусловно, будете вы. И мне дали ваш адрес. И тем не менее вы сумели узнать все, что вам требовалось. Но даже после того, как меня охватили подозрения, мне было трудно подумать плохо о таком милом, добром старом священнике. Но вам известно, что я училась актерскому мастерству. Мужской костюм мне не в новинку. Я часто пользовалась свободой, которую он предоставляет. Я послала Джона, кучера, следить за вами, бросилась наверх, надела мои прогулочные одежды, как я их называю, и спустилась вниз, как раз когда вы удалились.»

Ну, я шла за вами до ваших дверей и таким образом убедилась, что действительно была объектом интереса прославленного мистера Шерлока Холмса. Тогда несколько легкомысленно я пожелала вам доброй ночи и поспешила в Темпл к моему мужу.

Мы оба решили, что наилучшее средство защиты от преследований столь грозного врага – это бегство. А потому вы найдете гнездышко пустым, когда навестите его утром. Что до фотографии, вашему клиенту не надо тревожиться. Я люблю и любима человеком, несравненно лучше его. Король может поступать как желает, без помех со стороны той, кого он оскорбил так жестоко. Я беру ее с собой, только чтобы обезопасить себя и сохранить оружие, которое надежно защитит меня от любых шагов, которые он может предпринять в будущем. Оставляю фотографию, которую он может сохранить, если пожелает, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, искренне вашей Ирен Нортон, урожденной Адлер».

– Какая женщина, о, какая женщина! – вскричал король Богемии, когда мы втроем прочли письмо. – Разве я не говорил вам, как она умна и решительна? Разве из нее не вышла бы восхитительная королева? Разве не жаль, что она не моего уровня?

– Судя по тому, что я увидел в краткой встрече с нею, она поистине совсем иного уровня, чем ваше величество, – холодно сказал Холмс. – Мне очень жаль, что я не смог завершить дело вашего величества более успешно.

– Напротив, дорогой сэръ! – вскричал король. – Никакое завершение не могло быть более успешным. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь не более опасна, чем если бы ее сожгли.

– Я рад услышать это, ваше величество.

– Я у вас в колоссальном долгу. Прошу, скажите, как я могу вознаградить вас? Это кольцо... – он стащил с пальца изумрудное кольцо в форме змеи и протянул его на ладони.

– У вашего величества есть нечто, что я ценил бы даже выше, – сказал Холмс.

– Только назовите.

– Вот эта фотография.

– Фотография Ирен? – воскликнул король. – Разумеется, если таково ваше желание.

– Благодарю, ваше величество. Итак, с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам самого доброго утра. – Он поклонился, отвернулся, будто не заметив руки, которую ему протянул король, и отправился со мной к себе на Бейкер-стрит.

Вот так королевству Богемия угрожал неслыханный скандал, и вот так женский ум взял верх над хитрейшими планами мистера Шерлока Холмса. Он имел обыкновение подсмеиваться над женским умом, но в последнее время ничего подобного я от него что-то не слышу. А когда он говорит об Ирен Адлер или упоминает ее фотографию, то всегда употребляет почетное наименование «Та женщина!».

Приключение с установлением личности

– Дорогой мой, – сказал Шерлок Холмс, когда мы удобно расположились у камина в его квартире на Бейкер-стрит, – жизнь куда прихотливее, чем способно нарисовать человеческое воображение. Мы сочли бы странной причудой фантазии то, что всего лишь часть будничного существования. Выпорхни мы рука об руку, закружись над этим великим городом, тихонько приподнимая крыши, чтобы исподтишка понаблюдать непредвиденности, творящиеся там – неожиданные совпадения, хитрые замыслы, недоразумения, поразительные сплетения событий, которые ведут через многие поколения к самым *outré*³ следствиям, – беллетристика с ее банальностями и такими предсказуемыми концовками выглядела бы в сравнении крайне избитой и ничего не стоящей.

– Мне это отнюдь не кажется верным, – возразил я. – Дела, попадающие в газеты, как правило, и очевидны, и пошлы. Реализм в полицейской хронике доводится до крайности, и тем не менее она, надо признать, не предлагает никаких сюрпризов, не говоря уж о художественности.

– Создание реалистического эффекта требует определенного отбора и тактичности, – заметил Холмс. – Вот чего недостает полицейской хронике, которая, пожалуй, наибольшее ударение ставит на пошлостях судьи-магистрата, опуская детали, раскрывающие вдумчивому читателю истинную подоплеку случившегося. Поверьте, нет ничего более сверхъестественного, чем обыденность.

Я улыбнулся и покачал головой.

– Мне понятно, почему вы так считаете, – сказал я. – Разумеется, в вашем положении неофициального консультанта, выручающего на трех континентах всякого, кто оказался в полном тупике, вы постоянно соприкасаетесь с непривычным и необычным. Но давайте-ка, – я поднял с пола утреннюю газету, – проведем практическую проверку. Вот первый заголовок, который попался мне на глаза: «Жестокое обращение мужа с женой». Полстолбца, но я и не читая знаю, что все это мне давно известно. Другая женщина, выпивка, толчок, удар, пинок, сочувствующая сестра или квартирная хозяйка. Ничего тупее не мог бы измыслить и самый тупой писака.

– Очень неудачный пример в поддержку вашей позиции, – сказал Холмс, взяв у меня газету и скользнув взглядом по странице. – Развод Дандесов. Мне в связи с ним пришлось заняться прояснением кое-каких деталей. Муж – трезвенник, никакой другой женщины, жалоба же основывалась на том, что он завел привычку в завершение каждой трапезы извлекать изо рта вставные челюсти и швырять ими в жену, а такое, согласитесь, вряд ли пригрезилось бы заурядному сочинителю рассказов. Возьмите понюшку, доктор, и признайтесь, что я побил вас вашим же примером.

Он протянул мне табакерку старого золота с большим аметистом в центре крышки. Драгоценная вещь, настолько контрастировавшая с простотой его обихода и привычек, что я не удержался и указал ему на это.

– А! – сказал он. – Я и забыл, что мы не виделись несколько недель. Маленький сувенир от короля Богемии на память о моей незначительной помощи в деле с фотографией Ирен Адлер.

– И кольцо? – спросил я, взглянув на сверкающий у него на пальце великолепный бриллиант.

– От голландской королевской семьи. Однако дело, в котором я помог им, настолько щекотливое, что я не могу доверить его даже вам, любителю описывать задачки, которые я решал.

³ Зд.: необычным (*фр.*).

– А сейчас вы занимаетесь какой-нибудь очередной? – спросил я с живейшим интересом.

– Десятью, двенадцатью, но ни единая не обещает ничего сколько-нибудь любопытного. Нет, они, понимаете, достаточно важны, однако нисколько не интересны. Собственно говоря, я давно убедился, что куда чаще для наблюдений предлагают дела без особой важности, для быстрого анализа причин и следствий, который и придает расследованию увлекательность. Самые серьезные приключения оказываются и самыми простыми, поскольку чем значительнее преступление, тем, как правило, очевиднее оказывается мотив. И во всем десятке упомянутых мною дел, за исключением довольно запутанной истории в Марселе, нет ни единого сколько-нибудь интригующего обстоятельства. Однако не исключено, что через несколько минут я получу их в достатке, так как сюда направляется моя клиентка, или я очень ошибаюсь.

Он уже минуту стоял у окна, глядя между открытыми жалюзи вниз на серую, в тусклых тонах лондонскую улицу. Поглядев через его плечо, я увидел на противоположном тротуаре крупную женщину с тяжелым меховым боа вокруг шеи и с пышным пером, ниспадающим с широких полей шляпы, кокетливо сдвинутой на ухо в манере герцогини Девонширской. Из-под этого внушительного балдахина дама с нервной нерешительностью шурилась вверх на наши окна; фигура ее слегка наклонялась вперед, а пальцы тербели пуговицы перчатки.

Внезапно, будто нырнувший в воду пловец, она метнулась через дорогу, и мы услышали отчаянное дребезжание звонка.

– Я и прежде наблюдал такие симптомы, – сказал Холмс, бросая сигарету в огонь. – Колебания на тротуаре всегда предвещают *affaire du coeur*⁴. Она нуждается в совете, но опасается, можно ли доверить кому-либо столь деликатное дело. Тем не менее и тут существуют различия. Если мужчина нанес женщине тяжкий удар, она не колеблется, и наиболее обычный симптом – оборванная проволока звонка. В данном же случае мы можем заключить, что речь действительно пойдет о любовной интриге, но девица не столько разгневана, сколько ввергнута в растерянность или горе. Впрочем, сейчас она войдет и рассеет наше недоумение.

Он еще не договорил, как в дверь постучали, и мальчик на побегушках доложил о мисс Мэри Сазерленд, а за ним уже маячила черная фигура ее самой, будто торговое судно под всеми парусами позади лоцманского катера. Шерлок Холмс поздоровался с отличающей его непринужденной любезностью и, закрыв дверь, указал ей с поклоном на удобное кресло, а сам оглядывал ее тщательно, но отвлеченно, в особой, только ему присущей манере.

– Не тяжело ли, – сказал он, – с вашей близорукостью так много печатать на машинке?

– Вначале так и было, – сказала она. – Но теперь я нахожу нужные буквы не глядя. – Затем, внезапно осознав скрытое значение его слов, она вздрогнула и взглянула на него со страхом и изумлением на широком благодушном лице.

– Вы слышали про меня, мистер Холмс! – вскричала она. – Как иначе вы могли узнать все это?

– Неважно, – сказал Холмс со смехом. – Мое занятие состоит в том, чтобы знать. Быть может, я приучил себя видеть то, чего другие не замечают. Иначе для чего вы бы пришли посоветоваться со мной?

– Я пришла к вам, сэр, потому что слышала о вас от миссис Этеридж, мужа которой вы отыскиали с такой легкостью, когда полиция, да и вообще все уже считали его мертвым. Ах, мистер Холмс, я жажду, чтобы вы сделали для меня то же самое. Я не богата, но у меня есть моя сотня годового дохода, не считая приработка на машинке, и я отдам это все, лишь бы узнать, что случилось с мистером Хосмером Ангелом.

– Почему вы отправились посоветоваться со мной в такой спешке? – спросил Шерлок Холмс, складывая кончики пальцев и возводя глаза к потолку.

Вновь на несколько глуповатом лице мисс Мэри Сазерленд отразилась растерянность.

⁴ Зд.: любовная интрига (*фр.*).

– Да, я вышла из дома, хлопнув дверью, – сказала она. – До того меня рассердила пренебрежительность, с какой мистер Уиндибенк, то есть мой отец, отнесся ко всему этому. Отказался пойти в полицию и не захотел обратиться к вам. И так как он ничего не предпринял и только повторял, что ничего не произошло, я наконец возмутилась, оделась второпях и поспешила к вам.

– Ваш отец... – сказал Холмс. – Видимо, ваш отчим, так как вы носите другую фамилию.

– Да, мой отчим. Я называю его отцом, хотя это и звучит нелепо, так как он старше меня всего на пять лет и два месяца.

– И ваша матушка жива?

– О да, мама жива и здорова. Я не слишком обрадовалась, мистер Холмс, когда она снова вышла замуж так скоро после папиной смерти, да еще за человека, моложе ее почти на пятнадцать лет. Папа был водопроводчиком на Тоттенхем-Корт-роуд и оставил после себя преуспевающую мастерскую, которой мама управляла совместно с мистером Харди, старшим мастером, но мистер Уиндибенк сразу же принудил ее продать мастерскую, он ведь очень много о себе понимает, как-никак коммивояжер по винам. Всего они выручили четыре тысячи семьсот фунтов, куда меньше, чем получил бы папа, будь он жив, при его-то репутации и клиентуре.

На мой взгляд, Шерлок Холмс должен был изнывать от нетерпения, вынужденный слушать этот путаный и сбивчивый рассказ, однако слушал он его, напротив, с величайшей сосредоточенностью.

– Ваш собственный небольшой доход, – спросил он, – достался вам от продажи мастерской?

– Нет-нет, сэр, он не имеет к ней никакого отношения. Его мне оставил дядя Нед, проживавший в Окленде. Капитал вложен в новозеландские ценные бумаги, приносящие четыре с половиной процента. Капитал составляет две тысячи пятьсот фунтов, но распоряжаться я могу только процентами.

– Вы крайне меня заинтриговали, – сказал Холмс. – И поскольку вы получаете столь крупную сумму – сто фунтов в год, да еще подрабатываете, то, конечно же, немного путешествуете и позволяете себе всякие удовольствия. Мне кажется, одинокая женщина может легко сводить концы с концами и на шестьдесят фунтов годовых.

– Мне вполне хватило бы и меньшей суммы, мистер Холмс, но вы же понимаете, пока я живу дома, я не хочу быть обузой для них, и потому этими деньгами распоряжаются они. Разумеется, это временно. Мистер Уиндибенк каждый квартал забирает мои проценты и отдает их маме, а я убедилась, что отлично обхожусь моим заработком как машинистки. За страницу я получаю два пенса и без труда печатаю за день от пятнадцати до двадцати страниц.

– Вы очень ясно обрисовали ваше положение, – сказал Холмс. – Это мой друг, доктор Ватсон. В его присутствии вы можете говорить столь же откровенно, как и со мной наедине. А теперь, будьте столь добры, расскажите нам все о ваших отношениях с мистером Хосмером Ангелом.

По лицу мисс Сазерленд разлился румянец, и она нервически затеребила бахрому своего жакета.

– Поначалу я познакомилась с ним на балу газовщиков, – сказала она. – Пока папа был жив, они всегда присылали ему пригласительные билеты, а потом не забывали нас и присылали билеты маме. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы приняли приглашение. Он вообще не хочет, чтобы мы где-нибудь бывали. Он прямо-таки выходил из себя, если я собиралась отправиться даже на пикник воскресной школы. Но на этот раз я твердо решила приглашение принять и потанцевать на балу – какое, собственно, он имел право возражать? Он сказал, что нам не след якшаться с таким сбродом, а ведь там должны были собраться все папины друзья! И он сказал, что мне нечего надеть, а ведь мое вельветовое сиреневое платье я даже еще ни разу не вынимала из гардероба! Под конец, когда ничего другого не оставалось, он укатил во

Францию по делам фирмы. Но мы, мама и я, все-таки отправились на бал с мистером Харди, который прежде работал у нас старшим мастером, и вот там-то я и познакомилась с мистером Хосмером Ангелом.

– Полагаю, – сказал Холмс, – когда мистер Уиндибенк вернулся из Франции, он очень рассердился, что вы побывали на балу.

– Ну-у, он отнесся к этому по-хорошему. Помнится, он засмеялся, пожал плечами и сказал, что нет смысла что-либо запрещать женщине, все равно она сделает по-своему.

– Так-так. Следовательно, на балу газовщиков вы, насколько я понял, и познакомились с джентльменом по имени Хосмер Ангел.

– Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он приехал справиться, благополучно ли мы добрались домой, а потом мы с ним встречались... то есть, мистер Холмс, я два раза выходила погулять с ним. Но затем вернулся отец, и мистер Хосмер Ангел нас больше не посещал.

– Нет?

– Ну, понимаете, отец ничего такого не терпит, и в гости никого не приглашает, если может, и любит повторять, что женщине для счастья достаточно ее семейного круга.

Но ведь, как я все время твердила маме, женщине нужен ее собственный семейный круг, а я еще им не обзавелась.

– Ну а мистер Хосмер Ангел? Он не пытался увидаться с вами?

– Так отец снова через неделю собирался во Францию, и Хосмер написал, что будет безопаснее и лучше не видаться друг с другом до его отъезда. А пока можно переписываться, и он писал мне каждый день. Утреннюю почту вынимаю я, так что отец знать не знал.

– И вы уже обручились с этим джентльменом?

– О да, мистер Холмс. Мы обручились на нашей первой прогулке. Хосмер... мистер Ангел, был кассиром на Лиденхолл-стрит... и...

– В какой конторе?

– Это-то и хуже всего, мистер Холмс. Я не знаю.

– Ну а где он жил?

– Ночевал в конторе.

– И адреса вы не знаете?

– Нет. Только улицу. Лиденхолл-стрит.

– Так куда же вы адресовали ваши письма?

– В почтовое отделение на Лиденхолл-стрит до востребования. Он сказал, что, адресуй я их в контору, клерки начнут насмешничать, что он обзавелся дамой сердца, а я сказала, что могу печатать их на машинке, как он свои, но он и слышать об этом не захотел, потому что, сказал он, когда я их пишу, они исходят от меня, а когда печатаю, он всегда чувствует, что нас разлучает машинка. Это показывает, мистер Холмс, какие чувства он питает ко мне и о каких милых пустячках думает.

– Весьма многозначительно, – сказал Холмс. – Я давно считаю аксиомой, что пустячки неизмеримо важнее всего прочего. Вы не могли бы припомнить еще какие-нибудь пустячки о мистере Хосмере Ангеле?

– Он очень застенчив, мистер Холмс. Предпочитал гулять со мной по вечерам, а не при свете дня, потому что не выносит посторонних взглядов, объяснил он. Он был очень сдержан, совсем по-джентльменски. И даже голос у него такой негромкий. В детстве он перенес свинку, железки распухли, сказал он мне, и горло осталось слабым, а манера речи нерешительной, шепчущей. Одет он всегда был элегантно, очень тщательно и просто, но глаза у него слабые, совсем как у меня, и он носит темные очки, чтобы беречь их от света.

– Ну и что же произошло, когда мистер Уиндибенк, ваш отчим, опять отбыл во Францию?

Мистер Хосмер Ангел пришел ко мне домой и предложил, чтобы мы поженились до возвращения отца. Он был прямо-таки в исступлении и заставил меня поклясться на Евангелии, что я всегда буду ему верна, что бы там ни случилось. Мама сказала, что он поступил верно, взяв с меня клятву, и что это верный признак его страстной любви. Мама его одобряла с самого начала и питала к нему чувство, чуть ли не более нежное, чем мое. Потом они заговорили, что брак следует заключить еще до конца недели, и я начала спрашивать, а как же отец. Но они сказали, что это неважно, просто сообщим ему после, а мама сказала, что все сама с ним уладит. Мне это очень не понравилось, мистер Холмс. Конечно, как-то странно испрашивать его разрешения, когда он старше меня всего на несколько лет. Только я не хотела ничего делать исподтишка, а потому написала отцу в Бордо, где у его фирмы есть контора. Но письмо вернулось ко мне утром в день свадьбы.

– Оно разошлось с ним?

– Да, сэр. Он отбыл в Англию как раз перед доставкой почты.

– Ха! Как досадно. Следовательно, ваше бракосочетание было назначено на пятницу? В церкви?

– Да, сэр. Совсем скромно в церкви Спасителя вблизи Кинг-Кросса. А затем мы должны были позавтракать в отеле «Сент-Панкрас». Хосмер заехал за нами в пролетке, но нас ведь было двое, и он усадил нас туда, а сам последовал за нами в кебе, единственном другом свободном экипаже, который проезжал по улице. Мы добрались до церкви первыми. Затем подъехал кеб, и мы ждали, чтобы Хосмер вышел. Но он все не выходил, а когда извозчик соскочил с козел и заглянул внутрь, там никого не было! Извозчик сказал, что понять не может, что с ним приключилось. Он же своими глазами видел, как он залез в кеб. Произошло это в прошлую пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я не видела Хосмера и не знаю, что с ним могло случиться.

– Мне кажется, с вами обошлись недостойно, – сказал Холмс.

– О нет, сэр! Он же такой хороший и добрый и просто не мог бы бросить меня подобным образом. Ведь в то утро он все время повторял, что я должна оставаться верной ему, что бы ни произошло, и что если нечто непредвиденное вдруг разлучит нас, я всегда должна помнить о моей клятве и что рано или поздно он потребует ее исполнения. Такой странный разговор перед свадьбой, но он обрел особое значение после того, что произошло потом.

– Бесспорно. Следовательно, вы полагаете, что его постигла некая непредвиденная катастрофа?

– Да, сэр. Полагаю, он предвидел какую-то опасность, иначе он не говорил бы так. А затем, думаю, произошло то, чего он боялся.

– И у вас нет никакого представления, что это могло быть такое?

– Никакого.

– Еще один вопрос. Как относится к случившемуся ваша мать?

– Она очень рассердилась и сказала, чтобы я больше никогда про это не упоминала.

– А ваш отец? Вы ему рассказали?

– Да, и он как будто согласился со мной, что что-то произошло, но что Хосмер, конечно, подаст о себе весть. И он сказал, зачем кому-то могло бы понадобиться привезти невесту к дверям церкви для того лишь, чтобы тут же ее бросить. Вот если бы он занял у меня денег или бы женился на мне и перевел на себя мой капитал, вот тогда бы причина была ясна. Но касательно денег Хосмер был крайне щепетилен и ни разу не взглянул хотя бы на один мой шиллинг. И все-таки что могло случиться и почему он не написал? Ах, при одной мысли об этом я просто с ума схожу и всю ночь напролет не смыкаю глаз. – Она вытащила из муфты носовой платочек и, прижав его к губам, громко зарыдала.

– Для вас я возьмусь за это дело, – сказал Холмс, вставая, – и не сомневаюсь, что мы получим тот или иной конкретный результат. Возложите бремя на меня и постарайтесь больше об

этом не думать. А главное, постарайтесь, чтобы мистер Хосмер Ангел исчез из вашей памяти, как он исчез из вашей жизни.

– Значит, вы полагаете, что я больше никогда его не увижу?

– Боюсь, что нет.

– Но что же с ним произошло?

– Поиски ответа на этот вопрос предоставьте мне. Я хотел бы получить точное описание его наружности, а также те его письма, которые вы могли бы оставить тут.

– Я дала объявление о нем в субботнем номере «Кроникл», – сказала мисс Сазерленд. – Вот оно, а также четыре его письма.

– Благодарю вас. И ваш адрес?

– Тридцать один, Лайон-плейс, Кэмберуэлл.

– Адреса мистера Ангела, насколько я понял, у вас никогда не было. А фирма, где служит ваш отец?

– Он коммивояжер «Уэстхауса и Марбенкса», крупнейших импортеров кларета с конторой на Фенчерч-стрит.

– Благодарю вас. Вы изложили все очень четко. Письма положите сюда и помните совет, который я вам дал. Пусть случившееся останется под семью замками, не допустите, чтобы оно повлияло на вашу дальнейшую жизнь.

– Вы очень добры, мистер Холмс, но последовать вашему совету я не могу. Я буду верна Хосмеру. Он найдет меня прежней, когда вернется.

Вопреки нелепой шляпе и глуповатому лицу, в простодушной вере нашей посетительницы крылось возвышенное благородство, внушавшее уважение. Она положила сверточек с письмами и газетной вырезкой и удалилась, заверив нас, что сразу же приедет, чуть мы ее вызовем.

Шерлок Холмс несколько минут сидел молча, прижимая подушечки пальцев друг к другу, вытянув ноги перед собой и устремив взгляд в потолок. Затем взял с подставки лоснящуюся глиняную трубку, служившую ему своего рода советчицей, и, закурив ее, откинулся в кресле. Вокруг него вверх устремились, свиваясь в гирлянды, густые клубы сизого дыма, а его лицо приняло выражение глубокого покоя.

– Интересный предмет для изучения эта барышня, – заметил он. – Я нахожу ее много интереснее маленькой проблемы, с которой она столкнулась, кстати, весьма банальной. Если вы заглянете в мою картотеку, то найдете подобные случаи – в Андовере в семьдесят седьмом году и нечто сходное в Гааге в прошлом году. Но, как ни стара идея, одна-две детали мне внове. Впрочем, сама барышня весьма и весьма поучительна.

– Вы как будто узнали от нее много такого, что для меня осталось невидимым, – заметил я.

– Не невидимым, а нераспознанным, Ватсон. Вы не знали, что высматривать, и упустили все существенное. Мне так и не удалось убедить вас в важности рукавов, значимости ногтей на больших пальцах или решающих выводов, которые висят на шнурках ботинок. Так что же вам подсказала наружность нашей барышни? опишите ее.

– Ну, на ней была шиферного цвета соломенная шляпа с широкими полями и с пером кирпичного оттенка. Жакет черный, расшитый черным стеклярусом с бахромой из него же. Платье коричневое, темнее кофейного цвета, с узкой полоской лилового плюша у шеи и на рукавах. Перчатки сероватые с потертостью на правом указательном пальце. Сапожки я не рассмотрел. Круглые сережки-кольца в ушах и общий вид обеспеченности, вульгарности и покладистости.

Шерлок Холмс слегка похлопал в ладоши и усмехнулся:

– Честное слово, Ватсон, вы делаете блестящие успехи. Право же, так. Однако, сказать правду, все существенное вы упустили. Не нащупали метода и только подмечали цвета. Нико-

гда не полагайтесь на общее впечатление, мой мальчик, сосредоточивайтесь на деталях. Первый взгляд я всегда бросаю на женские рукава. У мужчин, пожалуй, начинать лучше с брюк на коленях. Как вы заметили, рукава у этой женщины отделаны плюшем, так услужливо сохраняющем отпечатки. Двойная линия, где машинистка прижимает запястья к столу, была очень четкой. Швейная машинка оставляет такой же след, но только на левой руке и на стороне, противоположной большому пальцу, а не во всю ширину запястья, как в данном случае. Затем я взглянул на ее лицо и заметил по сторонам переносицы вмятинки от пенсне, а потому позволил себе упомянуть про близорукость и печатание на машинке, что как будто ее удивило.

– Во всяком случае, удивило меня.

– Но, простите, это же лежало на поверхности. Затем я, в свою очередь, удивился и заинтересовался, поглядев вниз и обнаружив, что сапожки на ней хотя и похожи, но от разных пар – носок одного был узорчатым, а другого – простым. Один был застегнут только на две нижние пуговички из пяти, а другой – на первую, третью и пятую. А когда вы замечаете, что барышня, в остальном одетая аккуратно, вышла из дома в сапожках от разных пар, застегнутых лишь наполовину, не требуется особой дедукции для вывода, что она покинула дом второпях.

– И что еще? – спросил я с величайшим любопытством, которое во мне неизменно пробуждали исчерпывающие логические построения моего друга.

– Мимходом я заметил, что перед тем, как уйти из дома, она написала записку, причем когда была уже в верхней одежде. Вы заметили, что ее правая перчатка была чуть порвана на указательном пальце, но словно бы не увидели, что и материал перчатки, и сам палец были слегка испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала второпях и слишком глубоко макнула перо в чернильницу. Причем нынче утром, иначе пятнышко на подушечке пальца не сохранилось бы. Все это забавно, хотя и элементарно, но пора взяться за дело, Ватсон. Не будете ли вы так добры прочесть мне из объявления, как выглядит мистер Хосмер Ангел?

Я поднес маленькую вырезку к свету.

«Пропал, – зывала она, – утром четырнадцатого джентльмен по имени Хосмер Ангел. Рост примерно 5 ф. 7 дюймов, крепкое сложение, бледный цвет лица, черные волосы с легкой пролысиной на макушке, пышные черные баки и усы; темные очки, речь с запинкой. Когда его видели в последний раз, был одет в черный сюртук с шелковой отделкой, черный жилет с золотой часовой цепочкой, серые твидовые брюки, коричневые гетры на штиблетах с резиновыми вставками. Известно, что он сотрудничал в конторе на Лиденхолл-стрит. Тому, кто сообщит что-либо...» И т. д. и т. д.

– Достаточно, – сказал Холмс. – А что до писем, – продолжал он, пробегая их глазами, – они не содержат ничего, кроме избитых фраз. Ни единого намека в них на личность мистера Хосмера, если исключить то, что он разок процитировал Бальзака. Однако они содержат деталь, которая, несомненно, бросилась вам в глаза.

– Они напечатаны на машинке, – сказал я.

– Мало того, на машинке напечатана и подпись. Взгляните на четкий мелкий шрифт «Хосмер Ангел» внизу. Как видите, есть дата, но нет адреса, если не считать Лиденхолл-стрит, что несколько неопределенно. Подпись более чем многозначительна. Собственно говоря, мы можем считать ее исчерпывающей.

– В каком смысле?

– Дорогой мой, разве вы не видите, насколько она важна в этом деле?

– Ничего такого я в ней не усматриваю. Разве что он оставлял себе лазейку, чтобы отрицать, что письмо послано им, если ему будет предъявлен иск за нарушение брачного обязательства.

– Нет, совсем не то. Но я напишу два письма, которые полностью прояснят дело. Одно в некую фирму Сити, другое отчиму нашей барышни, мистеру Уиндибенку, с просьбой посетить нас здесь завтра вечером в шесть часов. Всегда лучше наводить справки у родственников

мужского пола. А теперь, доктор, до получения ответа на эти письма мы ничего больше сделать не можем и потому пока оставим нашу маленькую проблему в покое.

У меня были все причины верить в особый логический дар моего друга, в его энергичность в действиях, и потому я не сомневался, что у него должны быть весомые основания для небрежной уверенности, с какой он отнесся к редкостной тайне, которую его призвали раскрыть. Мне был известен только один случай, когда он потерпел неудачу, – в деле короля Богемии и фотографии Ирен Адлер, но, вспоминая жуткое приключение «Знака четырех» и поразительные обстоятельства, связанные с «Этюдом в багровых тонах», я чувствовал, что ему не удастся распутать разве уж совсем невероятный клубок.

А потому я оставил его попыхивать черной глиняной трубкой в полном убеждении, что завтра вечером в его руках будут все нити, которые обеспечат установление личности исчезнувшего жениха мисс Мэри Сазерленд.

В то время сам я был поглощен крайне серьезной профессиональной проблемой и весь следующий день провел у одра тяжелобольного пациента. Было уже почти шесть, когда я наконец освободился и прыгнул в кэб, чтобы поспешить на Бейкер-стрит в некотором опасении опоздать к *dévoisement*⁵ нашей интригующей загадки.

Однако я нашел Шерлока Холмса в полном одиночестве. Он дремал, погрузив свою длинную худую фигуру в глубины кресла. Внушительный строй флаконов и пробирок вкупе с сильным густым запахом соляной кислоты сказали мне, что весь день он посвятил химическим исследованиям, столь дорогим его сердцу.

– Ну как? Вам удалось разобраться с этим? – спросил я еще с порога.

– Да, это был бисульфат бария.

– Нет-нет, с тайной! – вскричал я.

– А! Вы об этом... Я задумался о соли, над которой работал. В этом же деле никакой тайны вообще не было, хотя, как я упомянул вчера, кое-какие детали и выглядели интересными. Единственный минус заключается в том, что законченный негодяй не нарушил ни единого закона.

– Так кто же он и с какой целью покинул мисс Сазерленд?

Я едва договорил, а Холмс не успел раскрыть рта, чтобы ответить, как в коридоре послышались тяжелые шаги, и в дверь постучали.

– Отчим барышни, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Он написал мне, что будет здесь в шесть. Войдите!

Вошел мужчина крепкого сложения, среднего роста, лет тридцати, бритый, с желтоватым цветом лица и вкрадчивостью в манере держаться, со сверлящими серыми глазками. Он вопросительно взглянул на нас по очереди, положил глянцевый цилиндр на столик и с легким поклоном бочком опустился в ближайшее кресло.

– Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк. Полагаю, это напечатанное на машинке письмо послано вами, и в нем вы обещали встретиться со мной в шесть часов.

– Да, сэр. Боюсь, я чуть опоздал, но я, знаете ли, не вполне себе хозяин. Сожалею, что мисс Сазерленд побеспокоила вас из-за этой глупости, так как считаю, что подобного рода белье лучше на людях не стирать. Побеспокоила она вас вопреки моему желанию, но, как вы могли заметить, девочка она легко возбудимая, импульсивная, и ее нелегко контролировать, если уж она что-то решила. Разумеется, против вас я возражал бы меньше, поскольку вы с официальной полицией не связаны, однако огласка такой семейной беды крайне неприятна сама по себе. К тому же абсолютно бесполезный расход. Как вообще вы можете разыскать этого Хосмера Ангела?

⁵ Зд.: разрешение (*фр.*).

– Напротив, – невозмутимо сказал Холмс, – у меня есть все основания полагать, что мне удастся обнаружить мистера Хосмера Ангела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул так, что выронил перчатки.

– Крайне рад слышать это, – сказал он.

– Весьма любопытно, – заметил Холмс, – что пишущие машинки столь же индивидуальные, как и почерки. Кроме, разумеется, совсем новых, не найдется и двух, печатающих совершенно одинаково. Некоторые буквы снашиваются больше других или только с одной стороны. И заметьте, мистер Уиндибенк, в вашем ответе «е» всякий раз смазано, а хвостик «у» имеет крохотный дефект. Набралось еще четырнадцать характерных особенностей, но эти наиболее наглядны.

– В конторе мы все печатаем на этой машинке, и, без сомнения, она слегка изношена, – ответил наш посетитель, въедливо посмотрев на Холмса посверкивающими глазками.

– А теперь я продемонстрирую вам по-настоящему интересное наблюдение, мистер Уиндибенк, – продолжал Холмс. – Я подумываю как-нибудь на днях написать небольшую монографию о пишущих машинках в связи с преступлениями. Этой теме я уделил кое-какое внимание. Вот четыре письма, предположительно присланных исчезнувшим человеком. Все напечатаны на машинке. И в каждом не только «е» смазаны, а «у» бесхвостые, но если вы соблаговолите воспользоваться моей лупой, то обнаружите и остальные четырнадцать дефектов, про которые я упомянул.

Мистер Уиндибенк взвился из кресла и схватил цилиндр.

– Я не могу тратить время на подобного рода фантазии, мистер Холмс, – отрезал он. – Если вы можете изловить этого субъекта, то изловите его и сообщите мне, когда изловите.

– Не премину, – сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке. – Позвольте сообщить вам, что я его изловил.

– Когда? Где? – закричал мистер Уиндибенк, побелев до самых губ и стреляя глазами по сторонам, точно крыса в крысоловке.

– Право же, ничего не выйдет, – сказал Холмс учтиво. – Увильнуть невозможно, мистер Уиндибенк. Все слишком уж явно. И вы отпустили мне далеко не самый лестный комплимент, сказав, что найти ответ на столь примитивный вопрос свыше моих сил. Вот-вот! Садитесь и поговорим спокойно.

Наш посетитель уже рухнул в кресло. Лицо у него исказилось, на лбу выступили капельки испарины.

– Это... это неподсудно, – прохрипел он.

– Весьма опасаясь, что нет, но, говоря между нами, Уиндибенк, мне еще не приходилось сталкиваться с таким жестоким своекорыстным и бессердечным обманом и с таким подлейшим. Теперь позвольте вкратце изложить ход событий и поправьте меня, если я в чем-либо ошибусь.

Уиндибенк скорчился в кресле, уронив голову на грудь, как человек, стертый в порошок. Холмс поставил ногу на угол камина, прислонился спиной к стене, и, сунув руки в карманы, заговорил, обращаясь словно бы не столько к нам, сколько к самому себе:

– Мужчина женится на женщине намного его старше ради ее денег, – начал он, – и получает возможность распоряжаться деньгами ее дочери, пока та живет с ними. Суммой весьма значительной для людей их положения, потеря которой составила бы чувствительную разницу. И стоило приложить усилия, чтобы этого не произошло. Дочь – добрая, покладистая, но также привязчивая и способная увлечься. А потому было очевидно, что при своей личной привлекательности вкупе с небольшим ежегодным доходом она вряд ли надолго останется незамужней. Но ее брак, разумеется, означал утрату ста фунтов в год. И что же предпринимает ее отчим для предотвращения этого? Он прибегает к очевидным мерам: препятствует ей выходить из дома и мешает бывать в обществе молодых людей, близких ей по возрасту. Но вскоре убеждается,

что этого недостаточно. Ее терпение истощается, она настаивает на своих правах и наконец выражает непреклонное желание отправиться на некий бал. И что же предпринимает ее хитрый отчим? У него возникает идея, делающая больше чести его голове, нежели сердцу. С одобрения и при пособничестве жены он изменяет свою внешность, прячет эти буравящие глазки за стеклами темных очков, маскирует лицо усами, парой пышных бакенбард, превращает этот звучный голос во вкрадчивый шепоток, и, вдвойне подстрахованный близорукостью девушки, он является в роли мистера Хосмера Ангела и держит всех возможных ухажеров на расстоянии, ухаживая за ней сам.

– Поначалу это была просто шутка, – простонал наш посетитель. – Нам и в голову не приходило, что она так увлечется.

– Не исключено. Но, как бы то ни было, барышня бесспорно увлеклась, и, не сомневаясь, что ее отчим отбыл во Францию, она ни на мгновение не заподозрила даже возможности предательского обмана. Ей льстило внимание этого джентльмена, и эффект усугубляли щедрые выражения одобрения и восхищения со стороны ее матери. Затем мистер Ангел начал наносить визиты, поскольку стало ясно, что затею, чтобы она дала реальные результаты, следует довести до елико возможного предела. Последовали встречи и помолвка, которая наконец-то гарантировала, что девушка не перенесет свою привязанность на кого-нибудь другого. Разумеется, поддерживать обман намного дольше не представлялось возможным. Притворные поездки во Францию были сопряжены с многочисленными трудностями. Стало очевидным, что хитрость нужно завершить с таким драматизмом, чтобы мистер Хосмер Ангел неизгладимо запечатлелся в сердце барышни и еще долго мешал ей почувствовать интерес к какому-нибудь другому ухажеру. Отсюда клятвы в верности, исторгнутые на Евангелии, и отсюда же намеки на нечто зловещее, что могло разразиться в утро свадьбы. Джеймс Уиндибенк хотел, чтобы мисс Сазерленд оказалась настолько прочно связанной с Хосмером Ангелом и была бы настолько не уверена в его судьбе, что по меньшей мере в течение десяти лет не посмотрела бы на другого мужчину. Он доставляет ее до церковных дверей, а затем, поскольку дальнейшее продолжение невозможно, благополучно исчезает с помощью испытанного трюка, войдя в одну дверцу экипажа и выскочив из другой. Полагаю, события развивались именно так, мистер Уиндибенк?

Пока Холмс говорил, наш посетитель вновь частично обрел самоуверенность и теперь поднялся из кресла с презрительно-холодной усмешкой на бледном лице.

– Может быть, так, а может быть, и не так, мистер Холмс, – сказал он. – Но раз вы такой умник, вам должно достать ума понять, что теперь закон нарушаете вы, а не я. С самого начала я не совершал ничего подсудного, но, пока вы оставляете эту дверь запертой, вас можно привлечь к ответственности за физическое нападение и противоправное удержание.

– Закон, как вы указали, вас коснуться не может, – сказал Холмс, отпирая и распахивая дверь, – однако еще не было человека, который настолько заслуживал бы кары. Будь у мисс Сазерленд брат или друг, он отделал бы вас хлыстом. Черт возьми! – продолжал он, багровея при виде злорадной усмешки на лице Уиндибенка. – Хотя это не входит в мои обязанности по отношению к моей клиентке, но охотничий хлыст – вот он, и, пожалуй, я доставлю себе удовольствие...

Он стремительно шагнул к хлысту, но не успел его схватить, как с лестницы донесся торопливый топот, хлопнула тяжелая входная дверь, и мы увидели в окно, что мистер Джеймс Уиндибенк удирает по тротуару со всей доступной ему быстротой.

– Ну и хладнокровный же подлец, – сказал Холмс со смехом, вновь опускаясь в кресло. – Этот субъект будет усугублять преступление за преступлением, пока не совершит нечто настолько уж черное, что угодит на виселицу. Дело это в некоторых отношениях было не лишено интереса.

– Мне не вполне ясны все звенья ваших рассуждений, – сказал я.

– Разумеется, с самого начала было очевидно, что этот мистер Хосмер Ангел должен был иметь весомейшую цель для своего столь своеобразного поведения. Не менее очевидным было и то, что единственным, насколько мы могли судить, кому случившееся шло на пользу, был отчим. Далее, тот факт, что они никогда не соприкасались, и то, что один появлялся всегда, когда второй отсутствовал, наводил на определенный вывод, как и темные очки, и шепчущий голос. Иными словами, два намека на переодевание, да еще вкупе с пышными бакенбардами! Мои подозрения подтвердила его словно бы необъяснимая манера печатать свои подписи, указывавшая, что его почерк хорошо ей знаком и она может узнать его и по малому образчику. Как видите, эти факты, дополняемые множеством второстепенных, – все указывали на одноединственное истолкование.

– А как вы их удостоверили?

– Выявив искомого субъекта, найти подтверждение было просто. Я знал, в какой фирме он служит. Взяв напечатанное его описание, я изъясил все вероятные элементы переодевания – бакенбарды, усы, очки, голос – и отправил его в фирму с просьбой сообщить мне, соответствует ли это описание внешности кого-либо из их коммивояжеров. Особенности шрифта пишущей машинки я уже выявил и отправил ему на адрес фирмы письмо с просьбой посетить меня тут. Как я и ожидал, ответ его был напечатан на машинке, и шрифт содержал те же самые тривиальные, но характерные дефекты. С той же почтой пришел ответ «Уэстхауса и Маркбенса» с Фенчерч-стрит с сообщением, что описание это полностью отвечает внешности их служащего Джеймса Уиндибенка. *Voila tout*⁶.

– А мисс Сазерленд?

– Если я скажу ей, она мне не поверит. Возможно, вы помните древнее персидское приговение: «Смертельная опасность грозит тому, кто похитит у тигрицы ее тигренка, как и тому, кто выведет женщину из ее заблуждения». В здравом смысле Хафиз не уступал Горацию, как и в знании путей света.

⁶ Вот и все(*фр.*).

Приключение пяти апельсиновых зернышек

Когда я просматриваю мои пометки и записи о расследованиях, которые Шерлок Холмс вел между тысяча восемьсот восемьдесят вторым и девяностым годом, то оказываюсь перед выбором из такого количества дел, содержащих любопытнейшие и редчайшие черты, что не так-то легко решить, на каких остановиться, а какие отложить. Впрочем, некоторые уже получили известность благодаря газетам, а другие не представили случая моему другу применить свои особые таланты, иллюстрацией которых предназначены служить эти записки. Некоторые к тому же не поддались его аналитическому дару и, как рассказы, представили бы собой одни начала без концов; другие же были раскрыты лишь частично, и объяснения опираются более на предположения и догадки, чем на неопровержимые логические выводы, столь ему дорогие. Однако среди этих последних дел есть одно настолько поразительное в своих подробностях и столь неординарное по результатам, что я поддался соблазну изложить его, вопреки тому факту, что некоторые связанные с ним моменты так и не были и, скорее всего, так и не будут полностью раскрыты.

Год восемьдесят девятый знаменовался для нас длинной серией дел большего или меньшего интереса, записями которых я располагаю. Среди заголовков, относящихся к этим двенадцати месяцам, я нахожу отчет о «Приключении Парадола Чэмбера из Общества попрошайек-любителей», содержавшего роскошный клуб в подвале мебельного склада; о фактах, связанных с исчезновением английского барка «Софи Андерсон»; о примечательных приключениях Грайса Пейтерсона на острове Уффа и, наконец, дело об отравлении в Кэмберуэлле. В последнем, как, возможно, еще не забыто, Шерлок Холмс сумел, заведя карманные часы покойника, установить, что заведены они были два часа назад и что, следовательно, умерший лег спать в этот промежуток времени – дедукция, сыгравшая важнейшую роль в раскрытии преступления. Все вышеупомянутые дела я, возможно, опишу когда-нибудь в будущем, но ни одно из них не предлагает чего-либо сравнимого с той поразительной цепью обстоятельств, для изложения которой я взялся за перо сейчас.

Приближался конец сентября, и равноденственные штормы бушевали с необычной силой. Ветер завывал весь день, дождь хлестал в окна, и даже тут, в сердце великого, сотворенного человеческими руками Лондона, мы были вынуждены на мгновение отвлечься от обыденной жизни и признать присутствие великих стихийных сил, которые рычат на род людской сквозь решетку его цивилизации, будто неукротенные звери в клетке. С приближением вечера буря усилилась, грохоча все громче, а ветер в трубе плакал и рыдал, будто ребенок. Шерлок Холмс по одну сторону камина сумрачно составлял перекрестный индекс своих записей о преступлениях, а по другую сторону я с головой ушел в прекрасный морской рассказ Кларка Рассела, и мне уже чудилось, будто вой урагана снаружи сливается с текстом, а плеск дождя растягивался в длинное бурление морских волн. Моя жена гостила у своей тетки, и на несколько дней я вновь стал обитателем квартиры на Бейкер-стрит.

– Мне кажется, – сказал я, подняв глаза на Шерлока Холмса, – в дверь позвонили. Кто может прийти в такой час? Кто-нибудь из ваших друзей?

– Кроме вас, у меня их нет, – ответил он. – И я предпочитаю обходиться без гостей.

– Значит, клиент?

– Если так, то по очень серьезному делу. Ничто иное не заставило бы человека выйти из дома в такую погоду и в такое время. Но, полагаю, просто приятельница квартирной хозяйки.

Однако Шерлок Холмс ошибся в своем предположении, так как в коридоре послышались шаги и раздался стук в дверь. Он вытянул длинную руку и повернул лампу так, что ее лучи падали не на него, а в сторону свободного стула, на котором предстояло сидеть пришедшему.

– Войдите! – сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, не больше, с ухоженной внешностью и элегантно одетый, с некоторой утонченностью и деликатностью в манере держаться. Зонт, с которого текла вода, и длинный блестящий непромокаемый плащ напоминали о непогоде, которая его не остановила. В сиянии лампы он тревожно огляделся, и я увидел, что лицо у него бледное, а веки набрякли, точно у человека, страдающего страшной тревогой.

– Я должен извиниться перед вами, – сказал он, поднося к глазам пенсне в золотой оправе. – Надеюсь, я ничему не помешаю. Боюсь, я внес в вашу уютную комнату следы бури и ливня.

– Дайте мне ваш плащ и зонтик, – сказал Холмс. – Повешенные на этом крючке, они скоро высохнут. Вы приехали, как вижу, с юго-запада.

– Совершенно верно, из Хоршема.

– Смесь глины с мелом, которую я вижу на носках ваших ботинок, сомнений не оставляет.

– Я пришел попросить совета.

– Его получить не трудно.

– И помощь.

– С этим бывает потруднее.

– Я слышал о вас, мистер Холмс. Слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его, когда в Танкервильском клубе вспыхнул скандал.

– А, да. Его ложно обвинили в шулерстве.

– Он сказал, что вы способны разгадать что угодно.

– Он преувеличил.

– Что вы никогда и никем не были побиты.

– Я был побит четыре раза – три раза мужчинами и один раз женщиной.

– Но это же малость в сравнении с вашими успехами.

– Да, правда, обычно я добивался успеха.

– Как, уповаю, будет и в моем случае.

– Прошу вас, придвиньтесь поближе к огню и расскажите мне подробности вашего дела.

– Оно крайне необычное.

– Как и все, попадающие ко мне. Я последняя инстанция.

– И все же, сэр, я сомневаюсь, что вам со всем вашим опытом приходилось сталкиваться с более необъяснимой и таинственной цепью событий, чем те, которые обрушились на мою собственную семью.

– Вы пробудили мой интерес, – сказал Холмс. – Прошу, сообщите нам все существенные факты с самого начала, а затем я спрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне особенно важными.

Молодой человек придвинул стул ближе к камину и протянул промокшие ноги к пылающему огню.

– Меня зовут, – сказал он, – Джон Оупеншо, но мои личные дела, насколько я понимаю, не имеют никакого отношения к этому жуткому делу. Оно, так сказать, семейное, а потому, чтобы факты стали вам ясны, мне придется вернуться к тому, с чего все началось.

Вам следует узнать, что у моего деда было два сына – мой дядя Элиас и мой отец Джозеф. У моего отца был заводик в Ковентри, который он расширил в то время, когда велосипеды вошли в широкое употребление. Он запатентовал неуязвимую шину Оупеншо, и дела шли столь успешно, что он смог продать завод с большой выгодой и уйти на покой обладателем солидного состояния.

Мой дядя Элиас в молодости эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, насколько было известно, весьма преуспевал. В дни войны он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и получил чин полковника. Когда Ли капитулировал, дядя вернулся на свою плантацию, где оставался еще три-четыре года. Примерно в тысяча восемь-

сот шестьдесят девятом или семидесятом году он вернулся в Европу и купил небольшое поместье в Сассексе вблизи Хоршема. В Штатах он нажил весьма значительное состояние, и причиной его отъезда явилось его отвращение к неграм и неприятие политики республиканцев касательно предоставления им права голоса. Он был холостяком, жестким и вспыльчивым по натуре, сыпал грязными ругательствами в минуты ярости и предпочитал уединенный образ жизни. Сомневаюсь, что за все годы жизни под Хоршемом он хотя бы раз побывал в городе. У него был сад, два-три луга вокруг дома, и там он совершал свои прогулки, хотя часто неделями не выходил из своей комнаты. Он неумеренно пил бренди и был заядлым курильщиком, но избегал общества, не искал дружбы ни с кем, включая родного брата.

Но против меня он ничего не имел и даже привязался ко мне, так как когда он меня впервые увидел, я был мальчишкой двенадцати лет, или около того. Произошло это где-то в семьдесят восьмом году, после того, как он прожил в Англии восемь-девять лет. Он упросил моего отца позволить мне жить у него и по-своему был очень добр ко мне. Когда он был трезв, то любил играть со мной в триктрак или шашки и сделал меня своим посредником в общении со слугами и лавочниками, так что к шестнадцати годам я стал настоящим хозяином его дома. Все ключи хранились у меня, и я мог ходить куда хотел и делать что хотел, лишь бы не тревожить его уединения. Однако имелось особое исключение: один из чердаков всегда под замком, куда он не позволял входить ни мне, ни кому-либо другому. С мальчишеским любопытством я пытался заглянуть туда сквозь замочную скважину, но всякий раз видел только нагромождение старых сундуков и узлов, какие обычно и занимают такие чердаки.

Однажды – это было в марте восемьдесят третьего года – за завтраком на столе возле тарелки полковника было положено письмо с иностранной маркой. Он редко получал письма, так как все его покупки оплачивались наличными, а друзей и близких знакомых у него не было.

– Из Индии, – сказал он, беря конверт. – Штемпель Пондишери! Что бы это могло быть?

Он торопливо вскрыл конверт, и на его тарелку высыпались пять высушенных апельсиновых зернышек. Я было засмеялся, но смех застыл у меня на губах, едва я увидел выражение его лица. Нижняя губа отвисла, глаза выпучились, кожа обрела цвет замазки, и он вперял взгляд в конверт, который все еще сжимал дрожащей рукой.

– К.К.К., – вскрикнул он, а затем: – Боже мой, Боже мой, мои грехи настигли меня.

– Что это, дядя? – вскричал я.

– Смерть, – сказал он, встал из-за стола и ушел в свою комнату, оставив меня дрожать от ужаса. Я взял конверт и увидел, что внутри по отогнутому клапану над линией клея красными чернилами трижды нацарапана буква «К». И больше в нем не было ничего, не считая пяти зернышек. Что могло вызвать у него такой смертельный ужас? Я вышел из-за стола. На лестнице я увидел, что он спускается вниз со старым ржавым ключом в одной руке, несомненно от чердака, а в другой держит медную шкатулку, вроде тех, в которых хранят расхожие деньги.

– Пусть делают что хотят, но верх все равно останется за мной! – И он выругался. – Скажи Мэри, чтобы в моей комнате затопили камин, и пошли за Фордхемом, хоршемским нотариусом.

Я выполнил его распоряжения, а когда нотариус приехал, меня позвали в комнату дяди. Огонь в камине пылал, решетку покрывал слой черного пушистого пепла, будто от сожженной бумаги, а медная шкатулка на полу возле была открыта и пуста. Когда я посмотрел на шкатулку, то даже вздрогнул: под крышкой виднелись три «К», такие же, как те, что я видел утром на конверте.

– Я хочу, Джон, – сказал дядя, – чтобы ты засвидетельствовал мое завещание. Я оставляю мое поместье со всеми его плюсами и минусами моему брату, твоему отцу, и со временем оно, без сомнения, перейдет к тебе. Если ты сможешь владеть им мирно и приятно, тем лучше! Если же сочтешь, что нет, то последуй моему совету, мой мальчик, и отдай его своему злейшему

врагу. Прости, что я оставляю тебе такое обоюдоострое наследство. Но я не знаю, какой оборот примут события. Будь добр, распишись, где тебе покажет мистер Фордхем.

Я расписался, как мне было указано, и нотариус забрал документ с собой. Как вы легко себе представите, случившееся в своей необычности произвело на меня сильнейшее впечатление, и я обдумывал его и так и эдак, но ничего понять не смог. Меня продолжало преследовать смутное чувство тревоги, вызванной им, хотя она и притупилась, пока неделя проходила за неделей и ничто не нарушало обычного течения наших жизней. Однако я замечал перемену в моем дяде. Он пил гораздо больше и еще упорнее прежнего избегал какого бы то ни было общества. Большую часть времени он проводил в своей комнате, запершись изнутри, хотя иногда выходил, будто в пьяном угаре, выбегал из дома и метался по саду с револьвером в руке, крича, что он никого не боится и ни человеку, ни дьяволу не запереть его, будто овцу в загоне. Но когда припадок ярости угасал, он бешено устремлялся к двери, запирали ее за собой, задвигал засов, как человек, который не в силах долее притворно противостоять ужасу, угнездившемуся в самых корнях его души. В такие моменты даже в холодные дни его лицо влажно блестело, будто он обмакнул его в тазик.

Ну, короче говоря, мистер Холмс, чтобы не испытывать дольше вашего терпения, как-то вечером он вот так выбежал из дома в пьяной ярости и не вернулся. Когда мы вышли на поиски, то нашли его лежащего ничком в тинистой воде прудика в конце сада. Никаких признаков насилия видно не было, глубина прудика не превышала и двух футов, и присяжные, учитывая его всем известную чудаковатость, вынесли вердикт «самоубийство». Только я, зная, как он страшился даже мысли о смерти, никак не мог убедить себя, будто он сам пошел ей навстречу. Но все осталось позади, и мой отец вступил во владение поместьем и примерно четырнадцатью тысячами фунтов, лежавших на его счету в банке.

– Минуточку, – перебил Холмс. – Предвижу, ваш рассказ окажется одним из самых поразительных, какие мне доводилось слышать. Сообщите мне дату получения письма вашим дядей и дату его предполагаемого самоубийства.

– Письмо пришло десятого марта восемьдесят третьего года. Его смерть последовала семь недель спустя в ночь на двадцатое мая.

– Благодарю вас. Прошу, продолжайте.

– Когда мой отец стал хозяином поместья, он по моей просьбе тщательно осмотрел чердак, прежде всегда запертый. Мы нашли там медную шкатулку, хотя ее содержимое и было уничтожено. На внутренней стороне крышки был бумажный ярлык с инициалами К.К.К., а под ними надпись «Письма, документы, квитанции и список». Все это, решили мы, указывало на характер документов, уничтоженных полковником Оупеншо. В остальном ничего сколько-нибудь интересного на чердаке не нашлось, кроме большого количества разбросанных листов бумаги и блокнотов, касавшихся жизни моего дяди в Америке. Некоторые относились ко времени войны и указывали, что он доблестно выполнял свой долг и имел репутацию храброго воина. Другие датировались временем реконструкции Южных Штатов и в основном касались политики, свидетельствуя, что он, видимо, принимал деятельное участие в оппозиции корыстным политикам, нахлынувшим с Севера.

Ну, в начале восемьдесят четвертого года мой отец поселился в поместье, и все у нас шло как нельзя лучше до января восемьдесят пятого. Четыре дня спустя после Нового года, когда мы сидели вместе за завтраком, мой отец вдруг удивленно вскрикнул. В одной его руке был только что вскрытый конверт, а на ладони другой лежали пять сухих апельсиновых зернышек. Он всегда посмеивался над моей, как он выражался, нелепой историей о полковнике, но теперь, когда то же самое случилось с ним, он выглядел очень удивленным и испуганным.

– Что... что, собственно, это может значить, Джон? – пробормотал он.

Сердце у меня налилось свинцом.

– Это К.К.К., – ответил я.

Он заглянул в конверт.

– Так и есть! – вскричал он. – Вот они, эти самые буквы. Но что значит надпись над ними?

– «Положи бумаги на солнечные часы», – прочел я через его плечо.

– Какие бумаги? Какие солнечные часы? – спросил он.

– Солнечные часы в саду, – сказал я. – Других тут нет, – но бумаги, видимо, те, которые он уничтожил.

– Пф! – сказал отец, собрав все свое мужество. – Мы живем в цивилизованной стране и не должны терпеть подобные шутовские выходки. Откуда оно?

– Из Данди, – ответил я, поглядев на штемпель.

– Нелепая возмутительная шутка, – сказал он. – Какое отношение я имею к солнечным часам и бумагам? Не стану и внимания обращать на подобную чепуху.

– Я бы обязательно заявил в полицию, – сказал я.

– Чтобы меня там высмеяли? Да ни за что на свете.

– Тогда разреши мне.

– Нет! Я тебе запрещаю. Не желаю поднимать шум из-за такого вздора.

Спорить с ним не имело смысла, он был крайне упрям. Однако сердце у меня преисполнилось дурных предчувствий.

На третий день после получения письма мой отец отправился навестить старого друга, майора Фрибоди, коменданта одного из фортов на Портсдаунском холме. Я обрадовался, так как мне казалось, что вне дома он находится в большей безопасности. Однако я ошибался. На второй день его отсутствия я получил телеграмму от майора с просьбой немедленно приехать. Мой отец упал в глубокую меловую яму – местность там ими изобилует – и лежит без чувств с проломленным черепом. Я поспешил к нему, но он скончался, так и не придя в сознание. Видимо, он возвращался из Фейрхема в сумерках, и, поскольку окрестности были ему незнакомы, а яма не огорожена, присяжные без колебания вынесли вердикт «смерть в результате несчастного случая». Как ни тщательно исследовал я каждый факт, связанный с его смертью, я не сумел обнаружить ничего, что могло бы указать на убийство. Ни признаков насилия, ни следов подошв, ни ограбления, ни упоминаний о неизвестных людях, которых видели бы на дороге. И все же мне незачем говорить вам, как твердо я был уверен, что он стал жертвой чьих-то гнусных замыслов.

Вот при таких зловещих обстоятельствах я вступил во владение своим наследством. Вы спросите, почему я не продал поместья? Отвечу: поскольку я не сомневался, что наши беды были связаны с чем-то в жизни моего дяди и что опасность будет равно угрожать мне, в каком бы доме я ни поселился.

Мой бедный отец встретил свою кончину в январе восемьдесят пятого года. И с той поры миновало два года и девять месяцев. Все это время я благополучно жил в Хоршеме и начинал надеяться, что проклятие, тяготевшее над нашим родом, не коснулось его последнего поколения. Однако я утешал себя слишком рано, и вчера утром удар был нанесен в той же самой форме, в какой он сразил моего отца.

Молодой человек вынул из кармана жилета смятый конверт и, повернувшись к столику, вытряс на него пять сухих апельсиновых зернышек.

– Они были в конверте, – продолжал он. – Лондонский штемпель восточного района. Внутри те же самые слова, из каких состояло последнее требование, присланное моему отцу: «К.К.К.», а затем «положи бумаги на солнечные часы».

– И что вы сделали? – спросил Холмс.

– Ничего.

– Ничего?

– Правду сказать, – он уткнул лицо в ладони худых бледных рук, – меня охватило чувство беспомощности. Будто бедного кролика, когда к нему подползает змея. Будто я оказался в

ловушке непреодолимого, неумолимого зла, от которого не спасут ни предусмотрительность, ни любые предосторожности.

– Ну-ну! – воскликнул Шерлок Холмс. – Вы должны действовать, мой милый, или вы погибнете. Спасти вас могут только энергичные действия. Сейчас не время поддаваться отчаянию.

– Я обратился в полицию.

– А!

– Но мою историю там выслушали с улыбкой. Полагаю, инспектор не усомнился, что все письма были шутками, а мои дядя и отец, как постановили присяжные, стали жертвами несчастных случаев, не имевших никакой связи с угрозами.

Холмс потряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Немыслимый идиотизм! – вскричал он.

– Однако они отрядили полицейского охранять меня в доме.

– И он сопровождал вас сюда?

– Нет. Его инструкции были оставаться в доме.

Вновь Холмс испустил громкое проклятие.

– Почему же вы пришли ко мне? – спросил он затем. – И главное: почему вы не пришли сразу?

– Я не знал о вас. О моей беде я поговорил с майором Прендергастом только сегодня, и он посоветовал обратиться к вам.

– Собственно, прошло уже двое суток, как вы получили письмо. Нам следовало бы уже действовать. Полагаю, у вас нет никаких улик, кроме тех, которые вы нам показали, и никакой пропущенной подробности, которая могла бы нам помочь?

– Есть одно, – сказал Джон Оупеншо. Он порылся в кармане пиджака и извлек грязный листок голубоватой бумаги, который положил на столик. – Я припомнил, – продолжал он, – что в день, когда дядя сжег бумаги, я заметил, что небольшие уцелевшие краешки, лежавшие в пепле, были такого вот цвета. А листок этот я нашел на полу его комнаты и склонен думать, что, возможно, он выпал из пачки бумаг и в результате избежал сожжения. Если не считать упоминания о зернышках, не представляю, что он может как-то нам помочь. Думается, это страничка из дневника. Почерк, вне всяких сомнений, моего дяди.

Холмс подвинул лампу, и мы оба наклонились над листком, зазубренный край которого свидетельствовал, что он был вырван из тетради. Вверху значилось: «Март, 1860», а ниже следовали заметки:

4-е: Явился Хадсон. Твердит все то же.

7-е: Зернышки Макколи, Парамору и Джону Свейну в Сент-Огастен.

9-е: Макколи убыл.

10-е: Джон Свейн убыл.

12-е: Парамор навещен. Все в порядке.

– Благодарю вас! – сказал Холмс, складывая листок и протягивая его нашему посетителю. – А теперь вы ни в коем случае не должны терять и секунды. У нас даже нет времени обсудить то, что вы мне рассказали. Вы должны сейчас же вернуться домой и действовать.

– Что я должен делать?

– Есть только одно, и сделать это необходимо сейчас же. Вы должны положить листок, который показали нам, в медную шкатулку, вами упомянутую. И вложить в нее записку, что все остальные бумаги ваш дядя сжег и сохранился только этот листок. Вы должны изложить это в убедительнейших словах. Сделать это вы должны без промедления и поставить шкатулку на солнечные часы, как вам указано. Вы поняли?

– Понял все.

– Сейчас не думайте об отмщении или о чем-либо подобном. Полагаю, добиться этого мы сможем с помощью закона; но нам еще предстоит сплести собственную паутину, а их паутина уже сплетена. В первую очередь необходимо избавиться от опасности, угрожающей вам сейчас. А затем раскрыть тайну и покарать виновных.

– Я крайне вам благодарен, – сказал молодой человек, вставая и надевая плащ. – Вы вдохнули в меня новую жизнь и надежду. Я скрупулезно исполню ваш совет.

– Не теряйте ни секунды. А главное, пока берегите себя. На мой взгляд, нет никаких сомнений, что вам угрожает очень реальная и сиюминутная опасность. Как вы намерены вернуться?

– На поезде с вокзала Ватерлоо.

– Сейчас еще нет девяти. Улицы полны прохожих, так что, надеюсь, вы будете в безопасности. И все-таки будьте крайне осторожны.

– Я вооружен.

– Отлично. Завтра я займусь вашим делом.

– Значит, я увижу вас в Хоршеме?

– Нет. Разгадка вашей тайны в Лондоне, и я буду искать ее здесь.

– Тогда я зайду к вам завтра или послезавтра сообщить про шкатулку и бумаги. Ваши советы я выполню со всей точностью.

Он пожал нам руки и ушел. Снаружи все еще завывал ветер, а дождь хлестал в окна, стеская по стеклу. Эта странная дикая история обрушилась на нас вместе с диким разгулом стихий, будто закрученный ураганом клубок морских водорослей, а теперь они вновь ее поглотили.

Шерлок Холмс некоторое время сидел в молчании, наклонив голову, устремив глаза на багровый отсвет огня. Затем закурил трубку, откинулся в кресле и следил за сизыми кольцами дыма, устремлявшимися к потолку одно за другим.

– Думаю, Ватсон, – заметил он наконец, – среди всех наших прошлых дел не было ни одного столь фантастичного.

– Кроме, пожалуй, «Знака четырех».

– Ну, да, кроме, пожалуй, этого. Однако, мне кажется, Джон Оупеншо оказался среди даже еще больших опасностей, чем тогда Шольто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.